

Юрий СТАРОБИНЕЦ

Земная

ЖИЗНЬ

с пропиской в небе

16+

Юрий Старобинец

**Земная жизнь с пропиской
в небе. Книга первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Старобинец Ю. С.

Земная жизнь с пропиской в небе. Книга первая /
Ю. С. Старобинец — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Уважаемый читатель! Вы держите в руках литературный опыт не выпускника литинститута им.Горького,а военного лётчика 1 класса,пилота от Бога Юрия Старобинца,который, как и многие его однополчане,уже «потерял прописку в небе,но оставил за собой способность видеть с высоты своей жизни намного дальше остальных жителей Земли».Книга не претендует на то,чтобы вернуть в нашу жизнь утраченные за последние двадцать лет любовь и уважение к военным лётчикам и к офицерам в целом. Это всего лишь рассказ о жизни и лётной работе послевоенного поколения советских авиаторов,на долю которого выпало немного войны.

© Старобинец Ю. С., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Юрий Старобинец
Земная жизнь
с пропиской в небе

Предисловие

«Лучше тебя только небо», сказал герой средневековой поэмы, обращаясь к возлюбленной. Значит автор той лирики, созданной ещё до эры воздухоплавания, был уверен в том, что лучше неба уже нет ничего. О небе и людях в нём созданы замечательные художественные произведения в различных жанрах мировой и советской литературы. А какие фильмы о военных лётчиках подарил нам в XX веке отечественный кинематограф! Увы, остались в прошлом романтика и героика освоения воздушного пространства, а на место отважных образов пилотов в литературу пришли успешные и крутые «герои» из совершенно земной категории наших современников.

Предлагаемая читателю книга не претендует на то, чтобы вернуть в нашу жизнь утраченные за последние двадцать лет любовь и уважение к военным лётчикам и к офицерам в целом. Это всего лишь жизнеописание, то есть рассказ о жизни и лётной работе послевоенного поколения советских авиаторов, на долю которого выпало немного войны в мирное время.

Если профессии бывают героическими и не очень, то в данном случае речь пойдёт... Хотя об этом лучше судить читателю. Так уж повелось, что у создателей художественных произведений на авиационную тематику в ряду военлётов на первом месте заслуженно стоят истребители, за ними следуют штурмовики, бомбардировщики и почти обойдённые вниманием транспортники. О последних художники вспоминают лишь в контексте десантирования отважных голубых беретов, да работы «черного тюльпана». Вот такая незавидная скромная роль – обеспечивать подвиги лучших.

Андрей Старов, курсант, пилот, командир, увлечён своим любимым делом – перевозить по небу персики, снаряды, раненых, живых и мертвых бойцов. Он с упоением вспоминает счастливые моменты пребывания в воздухе, взлеты под обстрелом и посадки в сложных боевых и метеорологических условиях, радость возвращения на родной аэродром и суровый быт на земле. Многогранна и полна событиями жизнь героя и его соратников. В ней довольно места и для войны, и для мира, и для бурного восторга от удачно выполненного сложного полётного задания, и для тихой радости от утренней рыбалки. И, разумеется, в ней присутствует любовь. Строгие лётные будни, частые длительные командировки не всегда способствуют созданию прочной семьи. Но счастье приходит к пилоту, как награда за преданность выбранной профессии.

Сложны первые самостоятельные шаги в небе, взаимоотношения в коллективе и с командирами. Но на пути Андрея отличные воспитатели, инструкторы и просто порядочные люди, с которыми его связывает лётная судьба. Многие из них способны на поступок, могут взять на себя ответственность за то или иное решение. А за этим решением – не потеря должности, а жизнь экипажа, человеческая жизнь. Таковыми на страницах книги предстают командир эскадрильи Виктор Петрович Киселёв, опытный штурман Иван Яковлевич Цивунин, товарищ Андрея пилот Толя Балабанов, командир полка и друг Сергей Никонов.

Автор не следует постсоветской моде вымарывания из нашей истории роли партийной организации и правдиво рассказывает о работе партбюро, уместно вводит в повествование образ замполита эскадрильи Александра Ивановича Грекова, способного твердым словом поправить нарушителя воинской дисциплины.

Особое место в книге уделено работе Военно-транспортной авиации на международных трассах, в обеспечении боевых действий в Африке, полётам в «горячие точки». Интересно в этом контексте нарисована роль «нестандартного» члена экипажа – бортпереводчика, помощ-

ника командира экипажа по радиообмену, «своего рода ушей и языка пилота в общении с иностранными диспетчерами воздушного движения».

Больно читать крайнюю пятую часть книги «Прощай, авиация». Крах государства и развал Советской армии не мог не задеть жестоким образом Военно-транспортную авиацию. Из боевой единицы, от слаженности и боеготовности летного состава которой зависело решение стратегических задач, ВТА (точнее то, что от неё осталось) превратилась в коммерческую составляющую большого базара, образовавшегося на руинах великой страны.

В год выхода в свет предлагаемой книги лётчики отметили восьмидесятый юбилей Военно-транспортной авиации. У автора, который прожил в ней половину этого временного отрезка, есть способность и право оглянуться, вспомнить, оценить и рассказать.

Уважаемый читатель! Вы держите в руках литературный опыт не выпускника литинститута им. Горького, а военного лётчика 1 класса, пилота от Бога Юрия Старобинца, который, как и многие его однополчане, уже «потерял прописку в небе, но оставил за собой способность видеть с высоты своей жизни намного дальше остальных жителей Земли».

Александр Токарев, ветеран ВТА, г. Москва

От автора

Судьбы людей и события, изложенные в этой книге, действительно имели место в жизни военного летчика, однако пусть друзья и их семьи не ищут в ней точных совпадений, фамилий и имен. Судьба – это мировая история одного человека и нельзя невольно перекраивать ее по своему усмотрению.

Часть 1. Становление

Весенним утром Андрей шел по берегу реки, расположенной недалеко от военного городка, останавливаясь у мест с хорошим подходом, и бросал блесну, не очень рассчитывая на успех. С утра не спалось, разбудили соседи по комнате, собирающиеся на работу, мысли и волнения о предстоящих ночных полетах с проверкой на 1 класс выгнали его на свежий воздух. Полет спланирован с командиром дивизии и не предвещал ничего хорошего. Генерал не любил этот полк, наведывался сюда нечасто, но последствия в виде выговоров, отстранения от полетов оставлял регулярно. Комдив был человеком жестким, но пилотом

неплохим, прошедшим хорошую школу после фронтового воспитания, поэтому любая, даже небольшая ошибка в технике пилотирования могла превратиться на разборе полетов в настоящий разгром не только пилота, но и руководства полка, отвечающего за подготовку летчика.

На спиннинге не было ни одного удара, щуке хватать «железо» еще не пришло время. На реке рыбаков не видно, лишь на той стороне одиноко стоял мальчишка в длинных сапогах и фуфайке и терпеливо бросал удочку по краю заводи. Андрей изредка на него поглядывал, рассчитывая при удачных полетах и клеве прийти туда через день с удочкой. Мальчишку этого Андрей видел в этой лагуне не раз, убедился, что он неопытен, потому что перебрасывал удочку, не поправляя наживку. Клева не было. Пора было возвращаться, полежать пару часов и пораньше двинуться на полеты. Его жена уехала к родителям в Балашов и уже несколько месяцев жила там. Их отношения последний год медленно ухудшались, она не выдерживала бытовых неудобств и бесконечных командировок мужа.

С Ириной Андрей познакомился на 3 курсе училища. На летной практике в лагерях, с марта по октябрь, ближайшая деревня находилась в 15 км от полевого аэродрома. Там курсанты забывали, как девушки выглядят, а здесь вдруг попадали в гарнизонный Дом офицеров. На танцах собирается весь женский цвет города Балашова. Позади восторженность первых полетов на истребителе Л-29, впереди офицерская жизнь, полная приключений. А сколько

трепетных рассказов о женщинах наслушаешься от опытных парней, особенно при срыве полетов, когда льют дожди и размокает грунтовая взлетная полоса. Андрей был

неопытен, школьная любовь и робкий поцелуй с одноклассницей остались где-то далеко, в училище он поступил в 16 лет и был самым молодым на курсе. Казарменный быт первых лет любви не способствовал, шла ломка домашней жизни под суровый быт службы. Андрей с гордостью отослал домой первую свою фотографию в курсантской форме, мать приехала на присягу с желанием немедленно забрать сына из училища и рассказала, что проплакала над фотографией всю ночь, не узнавая на ней своего сына, и думала то, что делает армия с детьми – очень жестоко.

На танцах к Андрею подошла милая девушка, протянула руку и просто пригласила на белый танец. В его глазах Ирина показалась красавицей, тонкий профиль лица, пронзительный взгляд, приталенное короткое платье. Дальше все завертелось в одном сплошном вихре: учеба, короткие самоволки, поцелуи в подъезде. Девушка держала его на дистанции целый год до последнего курса, пока, наконец, не привела к себе домой в шикарную квартиру с накрытым столом. Первый сексуальный опыт дался ему непросто. Андрей много слышал рассказов об «этом» и считал, что «дурное дело нехитрое», однако на практике он так волновался и торопился, что потерпел бы фиаско, если бы не спокойствие и опытность партнерши, которая исправила ситуацию. Он был счастлив. Утром Андрей еще лежал в постели в восторге и простратии, когда в комнату неожиданно вошел отец Иры, поздоровался и пригласил к завтраку. Женидьба не входила в планы Андрея, он считал, что сначала нужно окончить училище, получить назначение, устроиться на новом месте службы, а потом приехать за невестой. Однако отец Иры сразу все поставил на свое место, он был очень влиятельным человеком в училище и этом городе. Он мягко дал понять: или свадьба в ближайшее время, или отчисление из училища за аморальное поведение. Андрей поначалу отшутился, но когда начальник курса пригласил его в кабинет, вручил увольнительную на все выходные и предупредил, что назад пути нет, Андрей смирился с судьбой. Терять профессию из-за этого глупо, тем более, что примеры отчисления по этим причинам были, да и он искренне считал, что будет любить Ирину до конца своих лет.

Не сразу Андрей понял, как глупо он попался в расставленные для него сети. Сначала ему одному с курса дали увольнение на сутки в праздничные дни, потом появление на проходной Ирины, затем неожиданное возвращение ее родителей, которые должны были уехать на праздники в другой город, но опоздали на самолет в Саратове и вернулись. Позже ему сказали, что он у нее был не первый курсант, однако ее отцу понравился именно Андрей, говорили, что он очень хорошо разбирается в людях.

Распределение Андрей Старов получил в лучшую дивизию военно-транспортной авиации, предполагалось, что служить он будет в Витебске, однако дальше влияние отца Иры закончилось. Андрей специально попросился в самый захолустный полк этой дивизии, рассчитывая проиграть в бытовом отношении, но выиграть в летной практике и перспективе роста. В новом полку встретили молодую семейную пару прохладно. Жить было негде, в гарнизоне стоял страшный холод, с большим трудом через пару недель их подселили в комнату на три семьи с общей кухней. В двухэтажном доме послевоенной постройки, деревянные полы скрипели, пахло плесенью. О горячей воде не могло быть и речи, ее не было во всем гарнизоне, но это поначалу не испугало их с Ириной, ведь в постели с накинутой поверх одеяла шинелью было так хорошо. Полк летал на новых для Андрея самолетах. После ИЛ-14 и АН-24, четырехмоторный АН-12 казался верхом совершенства. Низкий тяжелый гул запущенных турбин приводил к ощущению власти и гордости за экипаж. Легкое движение рычагами управления двигателями, и 60-тонная машина, подчиняясь твоей воле, медленно ползла по бетонным рулежным дорожкам к старту. Взлетный режим перед стартом заставлял самолет дрожать от нетерпения,

сдерживаясь лишь тормозами, гул двигателей заглушал команды экипажа: «Экипаж, взлетаем, РУД держать». Птица отпущена на свободу, слышен слабый скрип свободных тормозов, самолет начинает разбег, гул двигателей уходит назад, скорость нарастает сначала медленно, потом стремительно – 120, 150, 180, 210 диктует штурман показатели прибора, и вот самолет в воздухе. Далее последовательные команды по уборке шасси, закрылков и почти сразу начинается воспитательные и трудовые будни твоего инструктора: «Уменьши угол набора! Куда вертикальную скорость разогнал? Правый крен убери, от курса на 5 градусов отклонился. Не зевай, левый разворот, маленький крен, размазываешь. Ногу дай, горизонт, мать твою. 100м высоты проскочил, скорость убери». Чуть успокаиваешься от второго разворота к третьему, а дальше подготовка к посадке. Элемент настолько сложный, что инструктор сажает сам. «Ну? Понял что-нибудь, почувствовал?» Андрей молча кивал, хотя не почувствовал и не понял ничего, кроме твердых уверенных усилий на штурвале со стороны инструктора. Шесть полетов, девять часов летной смены, в голове все шумит, слегка покачивает. На следующий день разбор полетов, постановка задачи и контроль готовности, на котором обязательно будут ругать за подготовку к полетам, сначала командир эскадрильи, потом полковые.

– Лейтенанты Зазулин, Старов, к доске, одному – маршрут, режим и профиль полета наизусть с магнитными и условными курсами, координатами поворотных пунктов по РСБН, второму – нарисовать ориентиры на боевом пути.

– Справились, рабочие тетради, карты на проверку. Так, в рабочих тетрадях нет двух разделов, карты переделать, и не забывайте, к понедельнику, чтоб были готовы карты на Дальний восток по северу и югу...

Это так возмущало в душе, какой Дальний восток, тут летать еще не научился, но приказ не обсуждался, все выходные клеили карты, потом полмесяца рисовали приводные, курсы, аэродромы. Первый раз получилось неряшливо, зато через месяц, после вывозной программы, Старов в составе экипажа уже летел на аэродром «Смирных» на Сахалине с опытным командиром корабля. Эти карты пришлось дорабатывать в ночь накануне вылета, такова цена небрежности при первоначальной подготовке. Капитан Зайцев Нефед Иванович недолюбливал Старова, выскочка недоученная, думал он про себя, а после объявления нового боевого расчета и перестроения Андрей занял место в строю за Зайцевым, что стало для капитана полной неожиданностью. Он поругался с комэска, зачем дали ему этого молодого, что он согласен на любого, только не Старова. Командир эскадрильи, подполковник Киселев, спокойно медленно растолковал капитану, что боевой расчет никто менять не будет, схитрил, что командир полка лично просил пристроить молодых к опытным командирам, назвав фамилию Зайцева, и пообещал, что из этого лейтенанта тот сделает пилота, который останется у него надолго.

Первый полет по маршруту дался Старову очень тяжело. Сложнее всего было освоить внешнюю связь с диспетчерами центров управления полетами. Сначала Андрей писал на бумажке под диктовку радиста то, что нужно было сказать, потом нажимал передатчик станции и с волнением все это тараторил, там переспрашивали, он не понимал, вмешивался командир экипажа и все подправлял. В московской зоне было еще сложнее, десятки экипажей пытались перекрычать друг друга в эфире, Андрей сделал три попытки запросить снижение, но его никто не слышал. Командир не выдержал, коротко приказал заткнуться и сам управлял самолетом и вел связь. Что удивительно, на запросы командира всегда отвечали.

После посадки Андрей подумал, что ему никогда этого не освоить и, как побитый щенок, забрался на сидение, просидев до погрузки и следующего вылета. Вести радиосвязь при вылете из московской зоны ему уже не доверили. Второй этап освоения радиосвязи начался после занятия эшелона и ровного долгого монотонного полета через всю Россию с тремя промежуточными посадками. Голос окреп, связь стала более понятна, однако ошибок было доста-

точно. При проходе Новосибирска диспетчер коротко сказал: «С востоком». Андрей машинально ответил:

– Понял, – не понимая, что нужно перейти на другую частоту восточного сектора зоны.

Командир тоже не понял и после невнятного ответа Андрея сам вышел в эфир для уточнения команды. В самый начальный момент разъяснения диспетчера до Андрея дошел смысл сообщения, и он начал менять частоту связи, не дав командиру договорить. Дальше последовал сильный удар кислородной маской по голове пилота и, надо сказать, по делу.

На Сахалине они пробыли двое суток. Андрей рвался посмотреть все, начиная от магазинов, в которых ничего не было, заканчивая местными танцами в клубе. Но командир экипажа запретил туда ходить и тем более покупать у местного населения красную рыбу. Андрей возмущался такими решениями. Нарушив запрет, они вместе со штурманом купили у местного жителя по большой рыбине за довольно высокую цену и спрятали в самолете. На танцы тоже заглянули, но, испугавшись вида местной молодежи, быстро вернулись в гостиницу. В день вылета командир Зайцев приказал Андрею загрузить до Хабаровска вещи местного командира батальона и 200-литровую бочку кеты, которую потом разделили поровну на весь экипаж. Купленную втайне от командира рыбу Андрей забыл в самолете, разделенную из бочки рыбу пришлось раздавать по соседям, чтобы не испортилась. Командировка длилась полтора месяца, не было погоды, изменяли задание, грузили, выгружали... Морозы, гостиницы...

Первую похвалу от командира Андрей получил на обратном пути, после посадки на Чкаловской. Связь в московской зоне Андрей уже вел хорошо. Из этой командировки он вернулся другим летчиком, уверенным в себе, готовым к любым испытаниям. Изменения в летчике почувствовало и руководство, за что хвалили капитана Зайцева, однако Нефед Иванович считался неперспективным командиром корабля по возрасту, поэтому майором он так и не стал.

Через год Старова определили правым летчиком в экипаж заместителя командира полка по летной подготовке. Теперь уже Зайцев ходил к командиру полка с просьбой оставить Андрея у себя и напомнил об обещании комэска. Ему объяснили, что Старова надо готовить к вывозной программе на командира корабля, поэтому ставят в экипаж инструктора. Нефеду Ивановичу дали нового молодого пилота, которого он постоянно при всех ругал, неизменно ставя в пример Старова. В новом экипаже на Андрея легло много дополнительных обязанностей. Все вопросы управления экипажем внутри эскадрильи приходилось решать ему. Дисциплина, наряды, технические обслуживание – все ложилось на его плечи, так как замкомполка из-за занятости с плановыми таблицами появлялся редко даже на полковых построениях. Андрею пришлось вести его летную книжку, рисовать командирские планы полетов, что, в целом, способствовало его быстрому становлению как будущего командира корабля. Командировок меньше не стало, его сажали в другие экипажи, использовали, как резерв. С родным экипажем он летал только два раза, но обе командировки запомнил на всю жизнь. Первая случилась сразу после назначения, двойным экипажем с руководящим составом батальонов осуществить рекогносцировку всех пригодных аэродромов от Урала до Хабаровска с целью исследования практической емкости аэродромов по вопросам посадки, стоянки, заправки, питания от полка самолетов и выше. Сроки были сжатые, зеленый коридор обеспечен, поэтому летели без отдыха, Андрей успевал дремать в период недолгих стоянок, пока старшие офицеры уточняли возможности аэродрома. Тяжелей всех пришлось руководящему составу батальонов. Не привыкшие к длительным перелетам, обросшие, полупьяные офицеры, на них было страшно смотреть при возвращении на базу. Один из них сказал Старову, что он только теперь понял, что летчиков не зря кормят шоколадом, и что своих детей в летчики ни за что не отдаст.

Вторая командировка была составом полка в Сирию. 25 самолетов, с интервалом 10 минут, вылетели на загрузку под Оршу. Затем сели в Венгрии на дозаправку и дальше по ней-

тральным водам, огибая Израиль, вошли в северную Сирию. Ясная ночь, внизу горели целые города, пламя от пожарищ смотрелось страшно, казалось, что и экипаж сгорит под этим обстрелом. Приблизились к Дамаску, внизу темно, освещение выключено, взлетной полосы не видно, удаление 8, 4, 2, нервы напряжены до предела, прохождение ближнего привода, удаление 1 км, кратковременно включается подсвет полосы, приземление. Быстро освободили полосу для взлета предыдущих экипажей, разгрузились, не выключая двигателей, и на взлет – сплошной конвейер. В эфире по внутренней связи доклады – витебский экипаж попал под обстрел на земле, в экипаже раненые.

И вот – выход в нейтральные воды, напряжение спало, экипаж почти спит, Андрей с большим трудом держит голову, которая временами самопроизвольно падает на штурвал. Командир контролирует работу экипажа в полглаза, даже не подозревая, что главная опасность еще впереди. Самолет летит строго по центру воздушной трассы, между итальянским «сапогом» слева и Албанией справа, впереди появляется суша и сплошной грозовой фронт. По внутренней связи тихий голос штурмана Веремейчикова Евгения Ивановича:

– Посмотрите, как Дубровник светится огнями, не спят, любовью занимаются всю ночь.

Последняя фраза прозвучала более грубо и встряхнула весь экипаж. Все бросился к остеклению кабины, бурное обсуждение, сна как не было. Как важно иметь такого человека в экипаже. По связи сообщают впереди идущие экипажи, что грозовой фронт сплошной, обхода нет. Посадка в Греции или Югославии невозможна, топливо на исходе. Каждый экипаж принимает самостоятельное решение. На этом самолете установлены самые новые двигатели. Пока штурман в локатор смотрит варианты обхода, командир устанавливает взлетный режим и набирает высоту. Экипаж вползает во фронтальную облачность.

– По курсу – засветка, влево 30, – спокойно командует штурман, – затем давай вправо.

– Командир, здесь кругом грозовые засветки!

– Крути, пока не скажу.

Самолет входит в сплошную непроглядную тьму, яркая вспышка молнии ослепляет, сильнейший, как кувалдой, удар по корпусу. Самолет бросает, как пушинку, автопилот выбивает. Андрей с командиром вцепились в штурвал и с трудом удерживают видимость горизонтального полета. На лобовом стекле, винтах и крыльях огненные искры статического электричества, впечатление, что все горит. Локатор выходит из строя, второго на борту нет, Андрей успевает выключить еще исправную связную радиостанцию. Летят вслепую, удары грома потрясают, кажется, что следующей молнии самолет не выдержит. Командир продолжает набор, пройден практический потолок в 9000 м, появляются отдельные шапки облаков, которые можно обойти визуально. Фронт пройден, аэродром найден, посадка в Венгрии.

Интервалы в группе нарушены, комполка летел первым, сел третьим, замкомандира полка – седьмым, сел – пятым. Экипажи выходят на аэродром со всех сторон, требуют внеочередной посадки из-за критического остатка топлива, садятся с минимальными интервалами. Сели все, это само по себе это было чудо.

В большом спортивном зале, заставленном солдатскими кроватями, стоит сплошной храп. Это никого не смущает, руководящий состав полка и прапорщики, – все вперемешку спят до тех пор, пока не закончится заправка самолетов топливом. Андрею спать не дают, приходится идти в кассу за командировочными на весь экипаж, где очередь таких же спящих на ходу правых летчиков, потом в магазин – за парой женских колготок на каждого. Экипаж вернулся в полк к 22 часам. Техники набросились на самолет: в обтекателе антенны локатора – большая дыра, по левому борту оплавлены заклепки, приемники статического электричества на крыльях сожжены до основания, около 5 неисправностей оборудования. Самолет к утру

будет готов, сомнений ни у кого не было. Командир, штурман и летчик прибыли в штаб, там – дым коромыслом, никто домой не уходил с момента их вылета. Все расписано: командир со штурманом возглавляют оперативную группу на земле.

– Старов, а ты что стоишь, домой спать, у тебя взлет с экипажем Сукача в 6.00, туда же, разрешаю прибыть на самолет к 4.00.

Ирина встретила его радостно, но он с трудом завел будильник на 3.30 и провалился в сон, не снимая нижнего белья.

Через год Андрей готовился к сдаче зачетов, на допуск к полетам с левого сидения. Полковое звено Старов прошел несложно, этому способствовали полученные в училище знания, однако споткнулся при сдаче техники дивизионному звену. Его отправили на второй круг почти по всем специальностям. Инженер дивизии открыл капот двигателя и начал гонять по всем агрегатам двигателя с подробным опросом, куда, зачем идет и что может случиться в объеме знаний инженера по самолету и двигателю, то же самое было в энергетике, десантном оборудовании. Андрею пришлось брать опытного борттехника, радиста и натаскивать себя в полном объеме их обязанностей, однако это не помогло, и его отправили на второй круг во второй раз. В полку нарастал скандал, знания всех молодых пилотов проверили полковые инженеры по распоряжению командира полка. К Андрею претензий не было, одного пилота отстранили от полетов. Двоих лучших, Зазулина и Старова, отправили самолетом в Витебск. Андрей думал, что знает все, однако обоих летчиков завалили в третий раз. Андрей не знал назначения отверстия на двигателе, которое являлось технологическим, и скорость начала глиссирования АН-12 на залитой водой полосе. По прибытии в полк неудачники предстали перед командиром полка, фронтовиком, которого побаивались даже командиры эскадрилий. В присутствии руководящего состава разгром был такой, что у Андрея навернулись слезы, им никто не верил, что из-за технологического отверстия можно отстранить пилота от полетов.

– Немедленно, на поезде, за свой счет, убыть в Витебск и чтоб назад без зачетов не возвращались. Поставлю крест всей вашей карьере, вечные правые летчики, вон отсюда, – кричал полковник Югеров.

Все, потупившись, стояли молча, боясь возразить. Но, чем больше накалялась обстановка, тем быстрее Старов успокаивался. Мысленно он уже согласился быть вечным правым летчиком, его оскорбляло недоверие офицеров и обозлила до предела эта обстановка.

– Я один в Витебск не поеду, – медленно заявил он.

От такой наглости у комполка даже голос пропал, что позволило Андрею закончить:

– Повторно буду сдавать зачеты только в присутствии полковых инженеров.

Их с Зазулиным удалили из кабинета, они уже не слышали, что творилось там, за дверью, но, видимо, до руководящего состава дошло, что дело не только в пилотах, а во внутренних распрях полкового и дивизионного звена. Говорили, что Югеров звонил командующему, в четвертый раз самолетом привезли в полк инженеров дивизии всех специальностей, собрали комиссию полка, которая присутствовала при сдаче зачетов. Капот двигателя уже не поднимали, завели в кабину, спросили, что это за прибор, зачем кнопка на штурвале, после чего сделали вывод, что «можно же выучить, когда захочешь». С издевкой объяснили, что пятерку поставить не могут, так как сдавали зачеты повторно. В результате, вся эта обстановка сыграла важную роль в становлении Андрея, инженеры дивизии после этого относились к нему предупредительно вежливо, что помогало легко проходить сдачу многочисленных зачетов, в том числе и на классную квалификацию. Но самое главное было не в этом. За этот период он в совершенстве освоил самолет и работу всех членов экипажа на своих рабочих местах, что впоследствии помогло ему грамотно руководить экипажем и предотвращать ошибочные действия членов экипажа в полете. Вывозная программа с левого сидения давалась

Андрею нелегко. Обучение поручили лучшему в полку инструктору Остудину Петру Алексеевичу. Обучение принципиально отличалось от вывозной программы на правого летчика. В основе обучения лежало два элемента: заход на посадку по приборам и посадка, которая на АН-12 считалась самым сложным элементом, из-за использования отрицательной тяги винтов до приземления. Убрал за проходную защелку рычаги внутренних двигателей раньше, посадка с ударом о полосу, позже – перелет, приземление в центре полосы, аварийное торможение. Исправить ошибку при включении отрицательной тяги практически невозможно, двигатели автоматически отказывали при переводе их на взлетный режим, что заложено конструктором в целях безопасности. С инструктором Старову повезло. Без криков, мягко его натаскивали на детали полета:

– Придержи РУД, на вариометр чаще смотри, уменьшай поправку в курс постепенно, с небольшим креном. Высоту упустил, скорость потерял, визуально на полосу не отвлекайся.

От посадки до следующего старта получаешь замечания:

– На взлете – молодец, на заходе крена не видишь, с курса ушел, начал исправлять курс, потерял глиссаду, подошел высоко, а нет подхода – нет посадки, за проходную убрал поздно, поэтому приземлил почти на переднюю ногу. Завтра на фотографиях объективного контроля все это помотришь сам.

Был разбор полетов на повышенных тонах, но так, чтобы члены экипажа не слышали:

– Вчера летал пилот, как пилот, а сегодня полное дерьмо, земли не видишь, координации никакой, зря потраченная летная смена. В чем причина, с женой в постели провалился вместо предполетного сна?

Видя реакцию пилота и легкое пожатие плечами, инструктор расплылся еще больше:

– Идиот! Шесть членов экипажа работают на тебя, страна тратит миллионы, а тут безответственность и разгильдяйство. Еще раз пройдешь полеты в таком состоянии, откажусь возить, пошел вон, чтоб глаза мои тебя не видели.

Для инструктора вложить душу в пилота было самым важным элементом обучения. Нет души, не почувствуешь самолет, настоящим пилотом не станешь и обучать не сможешь. На обучение отказу двигателя в полете Старов полетел с Киселевым. Старый опытный пилот долго ему рассказывал давно усвоенную последовательность действий: как выключать двигатель, чувствовать авторотацию, удерживать горизонтальный полет. Затем зафлюгировать винт отказавшего двигателя, установив винты ребром к воздушному потоку, и произвести посадку. Полет на авторотацию Андрей выполнял впервые, ему было очень интересно, теорию он изучил досконально. На высоте 3000 метров Андрей вывел самолет на режим и доложил о готовности к выключению двигателя. Киселев дал команду бортехнику:

– 1 двигатель выключить.

Стоп кран закрыт, появился крен самолета влево.

– Так, Старов, держи штурвал, видишь, нагрузки на штурвале возрастают, крен надо убрать, помогай! Держи! Переводи на снижение, – перешел он на крик.

Андрей вывернул штурвал полностью в противоположную сторону крена, руки дрожали от напряжения, держали вместе с инструктором. Самолет продолжал крениться в сторону отказавшего двигателя, началось скольжение. Крен достиг 20, затем 30 градусов, самолет заваливался, как раненная в крыло птица, Киселев уже кричал, управляя экипажем:

– Флюгер первому! Гидроостанов!

Сработала резервная система флюгирования винта. Крен самолета достиг 40 градусов и лишь потом стал медленно уменьшаться. Рулили на стоянку молча, весь экипаж приходил в себя. Командир эскадрильи выскочил из самолета злой, долго орал на инженера, дал указание этот самолет на авторотацию двигателя больше не планировать, сказав, что он летал на нее больше 10 раз, но такого полета у него еще не было. Старов же сделал вывод, что судьба ведет

его по самой сложной летной судьбе. Через два года полеты на отказ двигателя без немедленного флюгирования винта из программы обучения убрали.

Ирине от такой жизни с мужем легче не становилось, ей надоели бесконечные командировки, неустроенный быт, она не была готова к такой женской доле, и терпение кончалось. Отношения окончательно дали трещину после получения Андреем второго класса. Отец Иры предложил вернуться в училище инструктором, с предоставлением отдельной квартиры в центре города. Андрей категорически отказался, чем довел жену до истерики. Потом они помирились, объединила общая беда. В полку произошла катастрофа, где погибло 23 человека, в том числе товарищ и однокурсник Старова по училищу Сережа Югов. В православный праздник 7 января полк подняли по тревоге с началом крупных полковых учений в районе Витебска. Андрей впервые по тревоге проспал. На построении негласно передали, что тревога прозвучит в 5 утра, Андрей завел будильник на 4.30, встал, умылся, надел сапоги, и стал ждать. Тревоги не было ни в 5, ни в 5.30, ни в 6, она прозвучала в 6.10, когда Андрей заснул, лежа на краю кровати, прямо в сапогах. Его поднял только гул двигателей взлетающего самолета передовой команды полка во главе с первым заместителем командира полка Беленским, которая должна была обеспечить прием полка в Витебске. Андрей выскочил из дома и бегом, напрямую по полю, к самолету. Пока бежал, ругал себя, жену, что не услышала тревоги, посыльного, который не пришел, и представлял, какой нагоняй сейчас получит. Он вскочил в кабину и начал пробный запуск двигателей, когда все остальные уже выключили. После этого нашел командира эскадрильи и попытался объяснить причину опоздания, но тот только отмахнулся:

– Не до тебя, – и уехал в штаб.

Вскоре пришла команда «отбой», весь полк построили на плацу, где командир полка объявил, что самолет с передовой командой попал в сильное обледенение и упал в районе Витебска, экипаж героически пытался спасти самолет, выжило несколько человек. Из близких Андрею людей в нем находились Югов, летевший помощником руководителя полетов, и штурман полка из родного экипажа Старова Веремейчиков. Он летел пассажиром в качестве руководителя выброски на площадке десантирования. Падение началось с третьего разворота, когда в процессе отклонения штурвала по крену, штурвал неожиданно самопроизвольно подхватился в крайнее отклоненное положение, с возникновением прогрессирующего крена. Летчики с большими усилиями переложили управление элеронами в противоположную сторону, самолет медленно начинал выходить из крена, но штурвал подхватывался на полное отклонение в противоположную сторону. Из-за больших кренов и отсутствия подъемной силы самолет начал снижаться с вертикальной скоростью 15 метров в секунду. На высоте 20 метров летчики смогли на пару секунд вывести самолет в горизонтальный полет, но это уже не спасло, самолет ударился о землю в поле. От удара вывернуло шасси, хвост самолета отлетел, причем стрелок остался жив. Самолет полз по снегу, сметая все на своем пути, правой плоскостью снес опору ЛЭП, воткнулся в овраг и загорелся. Кабину летчиков смяло, там сразу все погибли. Евгений Иванович Веремейчиков очнулся в кабине сопровождающих в кромешной темноте, едкий дым не давал дышать, слышались стоны нескольких живых пассажиров. Отдельные вспышки искр, осветившие узкое искореженное пространство, ясно давали понять, что помощь прийти не успеет, в ближайшие минуты они задохнутся или сгорят заживо. Евгений Иванович интуитивно полз по кабине, ища свежий поток воздуха. Неведомая сила заставила его вползти вверх, через остатки конструкции шасси, пробившие кабину. За ними в глубине он увидел белое пятно, это был снег, просматривавшийся через узкое отверстие в корпусе самолета.

– Все, кто жив, за мной, – из последних сил крикнул он в темноту и полез вниз к отверстию.

Острая боль отдавалась в переломанных ребрах и ноге. В отверстие пролезла только голова. Он голыми руками оторвал кусок дюралевой обшивки, зацепившуюся куртку, потом выяснилось, что в нормальных условиях этого сделать бы никто не смог. Евгений Иванович

был весь в крови, вылез почти полностью, но висел вниз головой над снегом, его кто-то мертвой хваткой держал из кабины за ноги и не отпускал.

– Отпусти ноги, мать твою, помогу вылезти, – кричал он во все горло.

Отпустили не сразу, в шоковом состоянии трудно отпускать двигающегося спасителя. Неужели жив, подумал он, падая в снег. Раздетый, окровавленный, он помог на морозе выбраться из самолета еще четверым. Когда на место катастрофы прибыла первая наземная помощь, самолет полыхал огнем, больше спасти никого не удалось. Ужас в душе Старова, да и всего гарнизона стоял на похоронах экипажа Беленского. 23 закрытых гроба в тесном помещении клуба и тысячи рыдающих со всего города, идущие непрерывным потоком в течение нескольких часов. Какие слова утешения, стоя у гроба, мог найти Андрей отцу своего товарища Сережи Югова, полковнику Академии им. Гагарина, потерявшего единственного сына. Ему одному разрешили вскрыть гроб и посмотреть, что осталось от сына. Сергей летел в кабине сопровождающих и сидел на месте, где должен был остаться в живых, но в момент падения встал в проем кабины экипажа со словами «что-то летчики раскачали самолет, сейчас посмотрю». Отец узнал сына по кистям руки, которые в точности повторяли его собственные. Он похоронил Сергея в подмосковном городке Монино. Теперь они лежат там всей семьей.

Причиной катастрофы стали аэродинамические особенности самолета АН-12, при нарастании льда на крыле и повышенном полетном весе нарушалось обтекание управляющих поверхностей элеронов, что приводило к потере управления по крену. Две подряд катастрофы в аэрофлоте по этим причинам произошли за год до этих событий, причем ни одному экипажу не удавалось вывести штурвал из первоначального подхвата рулей в одну сторону, от самолетов ничего не осталось, поэтому точную причину падения подтвердить не удалось. После исследования этих катастроф аэрофлот представил рекомендации по увеличению скорости полета по кругу и работе с механизацией крыла. По иронии судьбы заместитель командира полка Беленский сам лично проводил изучение этих рекомендаций с летным составом. В его интонации сквозил скепсис, мол, «у нас опыта таких полетов больше, мы с этим не сталкивались». Андрей сам внимательно слушал эту лекцию и не поверил ей, описанное явление «подхват элеронов» никогда в истории авиации не встречалось, казалось выдумкой и неправдоподобным явлением. Резолюция Главкома на Рекомендациях стояла: «Принять к сведению». После расшифровки самописца самолета экипажа Беленского стало понятно, что такое явление есть. Нагрузки на штурвале при выводе из крена превышали 150 кг, что не под силу даже двум пилотам и было чудом, что это первоначально удалось. В последний момент командир дал взлетный режим двигателей перед падением, для спасения не хватило лишь нескольких секунд. В полку долго работала комиссия Министерства обороны, Андрея в очередной раз подставили под удар, как перспективного летчика. Генерал на его примере выяснял, как усвоены причины катастрофы, в чем аэродинамическая особенность подхвата элеронов. Старов поплыл на аэродинамике весовой и аэродинамической компенсации, при рассмотрении конструкции элерона. Эти понятия не давались пониманию, что показалось Андрею несмыслаемым позором. Он разозлился на себя, изучил все досконально и дал себе слово больше никогда не попадать в такое неловкое положение.

Жизнь продолжалась, была изменена инструкция по пилотированию АН-12, приняты рекомендации, предложенные гражданской авиацией с еще большей страховкой. Командира полка, фронтовика, отправили на пенсию, после катастроф всегда находили много недостатков. Заместителя комполка по летной подготовке поставили командовать полком, карьерная цепочка сдвинулась. Старова назначили командиром корабля. За одного битого двух небитых дают, подумал Андрей. Судьба наказывала его за проспавшую тревогу сама. Его поставили ретранслятором, как не подготовленного к полетам в боевых порядках полка. Теперь по каждой тревоге, которые случались 2-3 раза в месяц, он взлетал в полку первым, через 45 минут после сигнала тревоги, для ретрансляции команд вышестоящего штаба. Почти всегда, от вре-

мени взлета ретранслятора зависела оценка боеготовности полка в целом. Никого не интересовало, что один член экипажа повез ребенка в садик или ушел в кино или живет в городе, в 5 км от аэродрома. Андрей рассчитывал только на себя и свой экипаж, разработал цепочки оповещения, используя даже телефоны соседей, кто кого подстраховывает в быту и на технике. Экипаж всегда справлялся, что способствовало росту его авторитета.

– Андрей, это ты пришел? Бегом в штаб, к тебе уже дважды посыльный приходил, – сообщила соседка.

Заместитель командира полка встретил его хмуро:

– Где ты шляешься по утрам, когда отдыхать нужно? – и не дожидаясь окончания лепета о занятии спортом, сразу перешел к делу:

– Утром прилетел генерал, перечеркнул всю плановую таблицу, теперь мы пытаемся ее слепить. Слушай и запоминай, твою проверку на класс сдвинули в самый конец плановой таблицы. Минимум погоды обещают, причем днем отлетаешь, как планировалось. Ночью будешь ждать, когда освободится генерал, полетишь на боевое применение и минимум погоды в одном полете. Комдива подвезут на газике прямо к самолету. Все члены экипажа должны быть в кожаных куртках. И последнее, засчитают тебе проверку или нет, но утром в 9 часов, чтоб летная книжка была расписана, полетные листы и заверенные к ним копии готовы. Иди, все это делай, на предполетных указаниях доведу изменения до всего летного состава.

Старов до обеда делал полетные листы и копии, искал 3 кожаные куртки у друзей на одни полеты. У членов экипажа их просто не было, склады пустые. Нервозность на полетах чувствовалась с самого начала проверки. Офицеры управления дивизии находились во всех службах, выискивая недостатки. Летный состав, лез в плановую таблицу для уточнения очередности вырубивания, метеоролог невнятно мямлил про минимум погоды, хотя реально нижний край облаков был метров 300. Лишь новый командир полка Ефимов в своей неторопливой спокойной манере довел меры безопасности и чуть остудил нервы. Дневные полеты прошли по простому варианту, к ночи заморосил дождь, перешли на второй вариант при минимуме погоды, что и требовалось для сдачи на класс. Андрей выполнил свой дневной маршрутный полет, ночью ждал вылета на стоянке. Он сидел в кресле пилота и слушал голос генерала по радиосвязи, чтобы определить, где тот находится. В воздухе было около 20 самолетов, район аэродрома переполнен. Руководитель полетов постоянно протягивал экипажам третий разворот, делая разрыв для взлета очередников, сплошной гул двигателей не давал спать не только гарнизону, но и всему городу. Голос генерала Андрей потерял, пошло что-то не так. Время вышло, на запрос Старова, руководитель полетов приказал ждать и быть на связи. Андрею ничего не оставалось, как запустить вспомогательную силовую установку, посадить весь экипаж на рабочие места и ждать. Волнение усилилось, строить экипаж в темноте, с включенной ВСУ, не было смысла из-за шума. С генералом он еще ни разу не летал, поэтому его реакцию на такое решение было предсказать сложно. В кабину вбежал наземный техник:

– Там газик подъехал, вышел кто-то в куртке и страшно ругается.

Андрей соскочил с кресла, на ходу одевая шапку.

– Товарищ генерал, старший лейтенант Старов к полету готов, – доложил Андрей, стараясь перекричать работающее ВСУ.

Генерал махнул рукой и полез в самолет. На протяжении всего руления генерал жестко и назидательно рассказывал, какой это бездарный экипаж, все это время не замечающий прибывшего командира дивизии:

– Почему не горит лампочка нейтрального положения триммера? Спали тут в креслах, вместо того, чтобы готовить самолет к полетам.

Экипаж триммером не пользовался, и в первом полете лампочка горела. Генерал сам передвигал нажимной выключатель, но лампочка не загоралась, взлетать было нельзя, неизвестно в какое положение триммер реально загнан. После такой нервозности Андрей с трудом

сообразил и спокойно приказал боргтехнику по АДО заменить лампочку. После замены генерал немного успокоился, оставляя остаток кипевшей энергии для полета. Предстоял полутора-часовой маршрут, Андрей подсознательно вспомнил слова своего инструктора Остудина:

– Забудь, кто сидит у тебя на правом сидении, полковник или лейтенант, и каждому доказывай, что ты летаешь лучше, чем он.

Андрея охватила какая-то внутренняя злость, его команды в экипаже стали отрывистыми и четкими, в том числе, генералу:

– Запросить взлет.

Самолет оторвался от земли и сразу вошел в облака.

– Шасси убрать, закрылки убрать, запросить эшелон 2700, – спокойно командовал Старов.

Левая рука Андрея лежала на рычагах двигателей, вторая управляла самолетом, скорость – 450, вертикальная -10, стрелки приборов замерли, как приклеенные. Подходит заданный эшелон, Командир корабля плавно, осторожно уменьшает вертикальную скорость, одновременно снижая обороты двигателя. Эшелон занят, параметры выдержаны, экипаж изменения режима даже не почувствовал, сказывалась длительная тренировка. Генерал отвернулся от приборов и смотрел в окно, редкий выход самолета из облаков, открывал звездное небо. Он пробормотал по связи:

– Можешь включить автопилот.

Старов ответил, что понял. Однако автопилот не включил, его предупредили, что генерал не любит, когда командиры во время проверки летят на автопилоте.

– Первый поворотный пункт маршрута наблюдаю, удаление 20, – доложил штурман.

Генерал рассматривал карту, его рука потянулась к переговорному устройству:

– Первая вводная экипажу, Азимут 180, дальность 130 обнаружена батарея «Хок» противника.

Андрей взял свою карту и сразу начал отворачивать внутрь маршрута на 30 градусов, одновременно дав команду штурману рассчитать маневр обхода, за этим последовала вторая вводная, по которой маршрут срезался значительно. Андрей понял замысел инструктора срезать маршрут за счет вводных команд, таким образом ликвидировать опоздание по плановой таблице на взлете.

– Командир! – докладывал штурман, – после вводных выходим на цель на 6 минут раньше.

Старов лихорадочно думал, что делать, спрашивать разрешение на изменение времени у генерала бесполезно, судя по его реакции. Он принял решение и доложил руководителю полетов и руководителю выброски об изменении времени цели. Вышли на боевой путь, в грузовой кабине – 2 парашютиста из десантной группы полка, при сдаче на класс допускается только реальная выброска. За них было страшно, они прыгали в облаках, в дождь, ночью. Удаление 15, десанту приготовиться, проходят команды, штурман докладывает:

– Цель не вижу, – его голос дрожит от волнения.

– Цель сейчас появится, – с уверенностью сообщает в экипаж Старов.

– Удаление 5, открываю грузолок, вижу цель, командир, влево 5, – радостно докладывает штурман,

– Удаление 2, внимание! Пошел!

Десант покинул самолет, идут доклады в экипаже. Руководитель полетов докладывает погоду на посадке, нижний край облаков – 150, видимость – 1,5 км, слабый дождь. Андрей успокоился, для таких условий он подготовлен, осталось хорошо посадить. Прошли дальний привод, проблесковые огни подхода Андрей уже видел, шли точно, подошли к полосе чуть ниже, падение скорости чуть больше, Старов поставил двигатели на малый газ, не убирая внутренние РУД за проходную защелку и плавно стал подводить самолет к посадочной полосе.

– Убирай! – не выдержал генерал.

Его рука потянулась к рычагам управления двигателями, но Андрей их зажал, не давая убрать. В это время произошло мягкое, еле слышное касание полосы. Посадка была идеальная, такой у него не получалось даже в самостоятельных полетах. В конце пробега Андрей в радостном состоянии духа доложил по внутренней связи:

– Товарищ генерал, разрешите получить замечания.

Генерал раздумывал, такого хорошего по качеству полета он не наблюдал даже у опытных экипажей. Что это – талант, стечение обстоятельств или случайность?

– 329-й, на стоянку, вы последние, вас уже встречают, – доложил руководитель полетов.

Генерал нажал кнопку радио и сообщил, что 329-й полетит еще на один круг. На попытки возражения РП, что время полетов кончилось, он зло рявкнул:

– Так запросите зону управления и продлите полеты.

Пока рулили на исполнительный старт, генерал взялся за Старова:

– Почему вы самовольно изменили время цели? В такую простую погоду и дурак сядет, – продолжал он, – сейчас проверю, чему тут учат в этом полку.

Оправдываться было бессмысленно. Шторку, закрывающую визуальную видимость впереди полета, инструктор закрыл на взлете уже в конце полосы, перед отрывом. Нервозность генерала не вывела Старова из равновесия, однако влияла на экипаж. Было предчувствие чего-то нехорошего, борттехник с опозданием реагировал на команды, штурман прозевал четвертый разворот, Андрей вышел на посадочный курс правее 500 м. Генерал отключил курсоглисадную систему и доложил РП о заходе по приводным радиостанциям. Помощник РП стал давать удаление и боковое уклонение через каждые 2 км, вмещался генерал, 329-й под контролем, боковое не давать.

– Удаление – 3, правее – 10, дождь усилился, – не выдержал руководитель полетов.

Андрей вцепился в приборы, ожидая открытия шторки. Ближний привод, высота – 60 м, доложил высоту принятия решения штурман. Боковым зрением Андрей глянул на генерала, тот отвлекся от приборов и искал глазами полосу.

– Шторку! – закричал по внутренней связи Старов.

Инструктор лихорадочно шарил рукой, ища рычаг, затем открыл. Самолет находился над левыми огнями полосы, очень высоко. Андрей, увидев посадочную полосу справа, машинально убрал внутренние двигатели за проходную защелку, с креном около 10 начал разворот к центру полосы.

– На второй круг, – в сердцах крикнул генерал, уже сам понимая, что поздно.

Отрицательная тяга внутренних двигателей делала свое опасное дело. Самолет быстро приближался к земле со значительным боковым скольжением. Полоса уходила из-под самолета влево. Пилоты энергично двигали органы управления: штурвал на себя, крен в противоположную сторону, ногу по сносу. Генерал вцепился в штурвал и действовал синхронно с Андреем. Самолет замер и плюхнулся у правого края полосы, с небольшим боковым ударом. Скрежет шин, медленное смещение к оси ВПП и тихий шепот борттехника:

– Слава советским сталеварам.

Рубашки под куртками обоих летчиков были мокрыми, пот стекал каплями. Андрей смахнул рукавом с носа пот и спросил замечания за полет. Генерал молчал и после второго доклада, также молча вышел из самолета и сел в газик. Андрей со штурманом медленно пошли к штабу, под дождем по рулежной дорожке. Все машины давно ушли, была половина третьего ночи. Андрей подумал, что сдачу на класс ему не засчитают, штурман переживал за командира. В штабе уже никого не было, сон тоже не шел, казалось перевозбуждение, снимать же стресс алкоголем Андрея отучил первый самостоятельный вылет на самолете в училище. Тогда он, непьющий, получил сильнейшее алкогольное отравление под эмоциональным влиянием «опытных» товарищей.

А генерал сидел в бане с командиром полка, одну бутылку водки они уже выпили и начали вторую, однако влияния алкоголя он не чувствовал. Посещение бани он спланировал заранее, чтобы усыпить бдительность командования полка. О предстоящем подъеме по тревоге не знали даже офицеры дивизии, прибывшие с ним, чтобы не было случайной утечки информации. Командному пункту дивизии уже были поставлены задачи на подъем утром следующего дня полка по тревоге. Раньше на практике такая проверка не допускалась. Документы разрешали полеты только через 12 часов после плановых полетов. Командир дивизии был очень недоволен положением дел в этом полку – холод в домах и гостинице, аэродром в безобразном состоянии, форма одежды не соблюдается. После ухода фронтовика новый командир полка казался ему интеллигентом, ослабившим жесткую хватку поддержания порядка, ведущим полк к недопустимым вольностям. Генерал планировал всколыхнуть это болото, а дальше решать, кого менять – командира полка, комбата или обоих вместе. Последний полет с молодым командиром корабля Старовым изменил многое. Он почувствовал в этом старшем лейтенанте силу, профессиональную злость и уверенность, которую редко можно воспитать без традиций, хорошо подготовленного инструкторского состава. Появились сомнения, может, рано все ломать, ведь летная подготовка – это основа, на которой легче нарастить все остальное. Полковник Ефимов провожал генерала до гостиницы пешком, на прощание тот посоветовал командиру заглянуть в штаб, до подъема оставалось 30 минут. Генерал из гостиничного номера по телефону дал указание начальнику штаба передовые команды в воздух не поднимать, вручить боевое распоряжение, а его разбудить на заслушивание решения комполка, через 3 часа после сигнала. Командир полка намек заглянуть в штаб сразу понял, опьянение, усталость летного дня прошли мгновенно. Он вбежал к дежурному по полку и дал сигнал сбора руководящего состава по списку №1. Гарнизон спал тихо, только опытный глаз мог заметить, как вспыхивают освещенные окна немногих квартир. В организации подготовки полка к боевым действиям было выиграно благодаря слабости генерала 15 очень важных минут.

Сигнал тревоги для Андрея и всего летного состава прозвучал неожиданно, после ночных полетов никогда учебных тревог не было, значит, тревога боевая, подумали многие. Сбор экипажей, подготовка техники шли в каком-то особом, тревожном режиме, что способствовало порядку и слаженности. Андрей прибежал на площадку сбора одним из первых. Транспорта не было, батальон обеспечения проспал. Он бегом, через поле подбежал к самолету, три члена экипажа уже стягивали чехлы, Андрей вскочил в кабину и запросил запуск, его разрешили. Не было двоих членов экипажа. Убедившись в их оповещении, командир, получив от руководителя полетов подтверждение, начал запуск двигателей. Правый летчик первым увидел бегущего по полю штурмана. Подберем по ходу, размышлял Старов, начиная руление. Короткая остановка на бетонной магистрали, и штурман пролазит через аварийный люк, прокричав в кабину:

– СРО (код ответчика ПВО) «пятерка», секретчика долго не было, – оправдался он за опоздание.

– 329-й, взлет разрешаю, зона ожидания, эшелон 6000 метров, – прошла команда руководителя полетов.

Самолет Старова пробил облака и вышел в яркое солнечное освещение, воздух был плотный, самолет набирал высоту, как орел, раскинувший крылья для наслаждения полетом. Теперь вся нагрузка ложилась на радиста, начавшего быстро стучать на ключе и передавать команды по закрытой связи. В радисте Андрей не сомневался, он считался одним из лучших в полку.

Командира дивизии разбудил телефонный звонок. Докладывал его начальник штаба:

– Полк приведен к боевой готовности согласно вашему распоряжению, взлет ретранслятора зафиксирован в 6.44, передовые команды остановлены, готовы к вырубиванию, ждем дальнейших указаний.

– Передовые команды остановить на предварительном старте. Пошлите своих офицеров, пусть проверят документы и состав, вывернут все наизнанку. Отключить всю телефонную связь, последнюю вводную по решению командира передать через ретранслятор по кодовой связи. Газик к гостинице – через 10 минут, заслушивание командира в 9.00, – быстро отдал распоряжения генерал.

Командный пункт гудел, как переполненный улей. Небольшой подземный бетонный бункер, скрытый на окраине аэродрома, не вмещал такого количества людей – кроме своих офицеров, было много проверяющих. Подготовлена карта полета с нанесенной боевой обстановкой и маршрутом, на нее продолжалось внесение некоторых пропущенных деталей, шло поочередное заслушивание начальников служб по обеспечению боевых действий. В этот момент на аэродроме объявлен режим химической тревоги, подготовка самолетов продолжалась в средствах защиты. Самолеты готовились к выходу из-под удара всем составом полка, с вылетом на запасной аэродром. Генерал вошел на командный пункт, выгнал всех посторонних и начал заслушивание. Комполка держался уверенно, докладывал точно, казалось, что прошедшая бессонная ночь и баня на нем не сказались. Молодец, подумал генерал, держится уверенно. Он оглядел остальных офицеров. По их уставшим лицам, отсутствующим взглядам и полуопущенным глаза, он понял, что нужно делать.

– Достаточно, товарищ полковник, – остановил он командира.

– Объявляю вводную: командир полка выведен из строя, заместитель, продолжайте доклад.

Вводная задача оказалась неожиданной, в детали боевой задачи новый заместитель комполка не вникал. Вчера после полетов они с инженером выпили немного спирту, расслабились, пока генерал парился. Сейчас ему было очень тяжело, начальники служб помогали, как могли, но всем было видно, что по основной задаче он плывет, деталей не знает. 20 минут на подготовку, коротко объявил генерал – позорить нового заместителя, прибывшего из Академии, в его планы не входило. Комдив прошел в отдельную комнату и поднял телефон закрытой связи. Он коротко доложил командующему военно-транспортной авиации о результатах своей работы в полку, но тот прервал его коротким вопросом:

– Сколько можешь поднять самолетов на перевозку войск от дивизии?

– Больше 40 не смогу, у меня Витебский полк на переучивании ИЛ-76, часть экипажей на специальных заданиях.

– Прекращай проверку, к обеду возвращайся в Витебск, задачу получишь в ближайший час, этот полк готов к вылету на завтра, – коротко дал команду командующий.

Генерал подозвал своего начальника штаба и отдал короткие распоряжения:

– Закончить заслушивание самому, учебную задачу снять после заслушивания решения, летный состав в класс на подготовку, самолеты на предварительную подготовку к вылету на завтра. Управление дивизии вылетает в 14.00, разбор тревоги проведем позже, к 12.00 соберите офицеров управления дивизии.

Учебная тревога плавно перерастала в реальную задачу. В штабе полка под перевозку войск уже формировали очередность, пошли первые команды по новой задаче и оборудованию самолетов, а полк по инерции продолжал отрабатывать учебные вводные. Заместитель комполка по инженерной службе не выдержал, ворвался в кабинет командира и, увидев генерала, не смущаясь, произнес:

– Товарищ генерал, невозможно готовить самолеты по двум вариантам, инженеры дивизии требуют одно, с командного пункта идут другие команды. Нельзя же так, люди и так вторые сутки на ногах.

Комдив понял, что оповестить всех офицеров дивизии по всему периметру аэродрома сложно, поэтому поблагодарил инженера за смелость, дал команду сообщить открытым тек-

стом по всем телефонам о прекращении тревоги. Летный состав уже прибыл в учебные классы на подготовку, когда генерал вспомнил о Старове:

– Где этот камикадзе, который меня чуть не убил на посадке? Он думает нести летную книжку или без класса хочет остаться?

Послали посыльного, тот пришел ни с чем, найти Старова не могут, никто его не видел. Только руководитель полетов, вошедший в штаб, остановил эту суету. Он сообщил, что ретранслятор произвел посадку только 10 минут назад. Андрея привезли в штаб на командирском газике. Генерал, глядя на бодро вошедшего командира корабля, ехидно выговорил:

– Что! Отоспался в воздухе, пока мы тут трудились? Какая оценка в объективном контроле стоит за вторую вчерашнюю посадку?

– Хорошо, – сообщил, потупившись, Андрей и быстро добавил:

– Им ночью, в дождь, с КДП ничего было не видно.

Комдив ставил оценки в летной книжке Старова быстро, по каждому расписанному элементу, его ручка задержалась на слове «посадка», где он медленно, жирно поставил «отлично». Удивлен был даже командир полка: таких оценок от комдива не получал никто, во всяком случае, он не видел.

– А где полетные листы? – спросил генерал Старова.

– Я не подготовил, товарищ генерал, вчера после полетов хронометраж уже был закрыт, а сегодня – 30 минут, как приземлился.

– Хорошо Старов, иди на подготовку, полетные листы привезешь к разбору на следующей неделе, – спокойно сказал генерал, уже обращаясь к комполка.

В реальной задаче Андрея не задействовали, ему предстояло в течение двух дней оформить представление на класс и сходить в наряд. В воскресенье он почувствовал, как груз служебных проблем спал, взял удочку и направился на ту сторону реки к заводу, в надежде наловить первой весенней плотвы и отдать соседке. По пути прошел двух рыбаков, остановился, активного клева не было. Парень в бушлате, которого он видел с той стороны, стоял на своем привычном месте. Место было идеальное, течение, огибая заводь, создавало водовороты и обратный ток воды. На вопрос об уловах парень даже не обернулся, Андрей не обиделся, у каждого рыбака свои заскоки в голове, мешать ему он не собирался. Забросил удочку в 10 метрах от него и сразу поймал хорошую плотвичку. Насадил два красных вертящихся червяка, и снова поклевка не заставила себя ждать. Он вытащил еще пять, пока обратил внимание на соседа, у которого ничего не ловилось. В момент заброса успел заметить на крючке парня кусочек белого земляного червя, насаженного поперек и подумал: на такую наживку он ничего не поймает.

– Возьми пучок красных червей, на белых червей клевать не будет, – просто сказал он парню.

Тот обернулся, из-под глубокой шапочки на него смотрели злые зеленые глаза школьницы.

– Смотри лучше за своим поплавком, понаберут тут всяких сверхсрочников с советами, – буркнула она.

Было видно, что все в Андрее раздражало ее – старый заношенный комбинезон, порванная в нескольких местах старая летная куртка, а главное, наличие клева. Выпалив все это, девушка отвернулась и со всей силы махнула удилищем. Андрея хоть и удивило такое поведение, но не шокировало, хорошая защитная реакция, подумал он. 9-й класс, решил Андрей, не красавица с обыкновенным русским лицом и грозным взглядом. Грудь под плотной одеждой почти не просматривалось. Не то, чтобы Андрей обиделся, он и сам понимал, что похож на сверхсрочника, ему просто хотелось спокойствия, поэтому он отошел от девчонки еще метров на 20. Место оказалось хуже предыдущего, но изредка клевало. Прошло не менее получаса,

пока Андрей услышал крик о помощи. Он увидел ее растерянное лицо и прогнувшееся удилице в руках. Андрей положил свою удочку и бросился на помощь:

– Не тяни, сейчас оторвешь, – кричал он на ходу, – отходи назад.

Он увидел плавник крупного леща:

– Голову ему подними из воды, чтобы воздуху глотнул, – продолжал кричать он, подбегая по берегу к кромке воды.

Рыбачка, пятась задом от воды, поскользнулась и упала в грязь. Удочку она не выпустила, а натянула леску со всей яростью. Лещ медленно начал выходить из воды на мелководье. Девушка, пытаясь подняться, упала во второй раз, леска лопнула. Андрея охватил азарт, он прыгнул в воду, преграждая путь отступлению лещу и, подхватив обеими руками, с силой выбросил его на берег. Вода залила все сапоги, с рукавов куртки Андрея стекала вода, а успевшая вскочить на ноги девушка прижала к земле леща обеими руками. Лещ был небольшой, на 1,5 кг, но чувствовалось, что девушка нечего подобного раньше не ловила. Андрей подошел к рыбачке, отбросил подальше от берега пойманного леща и стал помогать ей очищать грязь с одежды. Потом сам сел на корень большого дерева, выброшенного половодьем, вылил из сапог воду.

– Кажется, мы оба сегодня отловились, меня Надя зовут, а Вас?

– Андрей. Что это ты со сверхсрочником на Вы перешла? – ответил он вопросом на вопрос.

– Извините меня, Андрей, ко мне тут приставали с разговорами всякие. Вы не такой, в воду бросились, не задумываясь, заберите себе этого леща, мне его все равно не донести до дома, в бидончик не поместится, он по праву Ваш.

Андрей ответил, что он сейчас один и рыбу ловит для соседей, поэтому лещ ему не нужен. С этими словами он срезал тонкую ветку с сучком на конце, продел через жабры рыбу. Ноша на кукане была готова. Половину пути они прошли в одном направлении. За это время она рассказала Андрею про себя почти все: как папа мечтал о сыне, а пришлось ходить на свою любимую рыбалку с дочерью, едва ей исполнилось пять лет. Сейчас у него болят ноги, сказались фронтовые раны, поэтому последний год Надя на рыбалку ходит одна. Такую большую рыбу поймала впервые и теперь представляет, как отец обрадуется. Учится она на пятом курсе института, будет преподавать иностранный язык. Сверхсрочников ненавидит, потому что они все хамы и наглецы, но к Андрею это не относится.

– Вы, наверное, радистом летаете в экипаже? – спросила она невзначай.

Андрей не стал отрицать и ничего о себе рассказывать. Он вообще не воспринимал Надю, как девушку: ребенок, которому было приятно помочь. На развилке он попрощался, неловко сунул ей кукан с лещом и своими плотвицами и пошел в гарнизон.

Через неделю состоялось подведение итогов в дивизии. Генерал сделал разбор проведенных учений, результат был разгромным для полка. Досталось всем от командира полка до начальников служб, ничего положительного сказано не было. Лишь в конце генерал добавил, что единственное, что увидел хорошее – это методика подготовки молодых командиров кораблей. Время требует быстрого и качественного становления молодых экипажей, текучесть кадров растет, международная обстановка легче не становится. Через год полку переучиваться на новую авиационную технику, стариков же переучивать на ИЛ-76

неперспективно, и остается мало времени. Полковник Ефимов в перерыве подошел к генералу вручить полетные листы за прошедшие полеты и попросить за командира отряда Бокова, которого комдив отстранил от полетов.

– Поймите, товарищ генерал, он опытный пилот, летал во всех условиях, если не простить ошибку, спишется, а заменить его будет некем – убеждал Ефимов.

– Александр Григорьевич! Я лучше стал относиться к Вам и вашей деятельности после этой проверки. Запомните, генерал своих решений не меняет. То, что Боков слетал плохо, это полбеда, но он озлоблен, с генералом ведет себя, как алкаш после пьянки. Я не увидел коллектива, действия членов экипажа не направлены на помощь командиру, такое впечатление, что он потерял авторитет даже у них, потом у него партийное взыскание за командировку. Ему 42 года, пенсия есть, пусть лучше списывается, чем принесет нам очередную аварию. Кем заменить? Не мне Вас учить, Александр Григорьевич, но если Вы хотите знать мое мнение, то извольте: отзовите из отпуска подготовленный экипаж, чтоб не сорвать задачу, Бокова завтра же в госпиталь, задачу врачу дивизии, я уже поставил. Старова вместе с представлением на класс отправите в отпуск. Через два месяца придет первый класс, и ставьте его командиром отряда, я приказ подпишу.

– Но он и года командиром корабля не ходит, – пытался в последний раз возразить командир полка.

– И последнее, что я хотел Вам сказать – продолжал генерал. – Наводите порядок в гарнизоне, если не устраните недостатки проверки к осени, я не пожалею и Вас. Обстановка не позволит – поправился он.

В понедельник на построении объявили, что экипаж Старова в отпуске с сегодняшнего дня. Для всех это было полной неожиданностью, члены экипажа строили планы по распределенному графику отпусков осенью, планировали отпуск жен, а все сломалось мгновенно. Андрей обратился к командиру эскадрильи за разъяснениями, тот сам ничего не понимал, лишь напомнил, что приказы командиров не обсуждают, идти же к командиру полка не советовал. Андрей никуда не пошел, решил, что это судьба. Задержался на два дня, чтобы заполнить все полетные документы и убедился, что документы на класс оформлены правильно, дивизионное звено прошли. В четверг поезд нес его в родное Балашовское училище. Мысли его были уже там, помириться с женой, обнять тестя с тещей, погулять с друзьями, оставшимися в училище, сообщить, что сдал на первый класс. Будет шок, через 4 года после выпуска еще никто 1200 часов налета не набирал, в училище однокурсники Старова только подходят к рубежу 2-го класса. Андрей ехал с одной сумкой, выстоял огромные очереди в Москве, накопил всем родственникам подарки. Балашов встретил его теплой весенней погодой, о приезде он не предупредил, чтоб радость от встречи была ярче. Светило яркое солнце, хотелось жить и радоваться. Андрей летел к дому тестя, как на крыльях. На пороге его встретил Иван Степанович, он заметно постарел за эти годы, но дух фронтовой закалки, прозорливый ум не позволял расслабиться телу. Обнялись, время было обеденное, поэтому теща быстро накрыла на стол, засуетилась, но оставила мужиков допивать армянский коньяк вдвоем. Андрей продолжал рассказывать тестю о службе, интересных командировках, о трудностях сдачи на 1-й класс, пока не остановился на полуслове и спросил:

– А Ирина-то где?

Иван Степанович поднялся со стула, его лицо стало жестким.

– Андрей, ты меня знаешь, врать тебе я не могу. Ирина живет с другим мужчиной. Она оказалась такой же безмозглой сучкой, как и ее мать. Это я виноват. Со многими парнями она пашни водила, но никто мне не нравился. Ты один, кто мог сделать мою единственную дочь счастливой и скрасить мою старость умными внуками. Если можешь, прости меня.

– С кем она сейчас? – как-то глупо спросил Андрей.

– С таким же «дерьмом» из торговли, как и все ее предыдущие ухажеры. Давай выпьем, Андрей, – продолжал тесть, наливая зятю полный фужер коньяка.

– Сегодня ее не будет, они по выходным ездят в дом отдыха расслабиться.

В душе Андрея все кипело, коньяк он проглотил, не заметив выпитого и того, что тесть наполнил его снова. Променять боевого летчика на торгаша – как она могла? Неужели он совсем ее не понимал? Сколько хороших, счастливых дней вместе прожито! Появилось жела-

ние немедленно хлопнуть дверью и бежать из дома, но количество выпитого брало свое. Он еле дошел до их с Ирой комнаты и рухнул в приготовленную для него постель.

Проснулся он от яркого солнца, слепившего в окно, медленно вернулась память вчерашнего разговора. Яркий свет не радовал, комната казалась чужой, и лишь тяжелое, красное лицо уже опохмелившегося тестя заставило его сосредоточиться. Семьи у него практически не стало, развод непременно приведет к партийному взысканию и концу карьеры, не рассказывать же офицерам об изменах жены, позору не оберешься. Андрей отогнал от себя плохие мысли, он молод, ему 26 лет, сдал на первый класс, от штурвала его теперь никто оторвать не сможет. От коньяка Андрей отказался, давно определив себе правило: алкоголь не раньше 14.00. Он не курил, хорошо собой владел. По его спокойному лицу не было видно и следов вчерашней пьянки – ни волнения, ни чувств. Он настойчиво попросил тестя помочь с оформлением развода. Иван Степанович молчал, он уже жалел, что все рассказал Андрею, потому что позволила Ира. Она узнала о приезде мужа от матери и срочно выехала домой. Может, все бы и наладилось, подумал тесть. Ира впорхнула в квартиру яркая накрашенная, модная и бросилась обнимать мужа. Андрей стоял спокойно, не отстранился, но твердо сказал:

– Не надо Ира, я все знаю.

Ему казалось, что через плотный запах духов он слышит пот чужого мужика. Брезгливость – ничего другого он не чувствовал. Ира расплакалась, объясняла, что когда вернулась к родителям, попала в окружение своих бывших поклонников и долго устоять не смогла. Она утверждала, что продолжает любить Андрея, что готова прямо сейчас ехать с ним в полк, наконец, завела его в комнату, повернула ключ и стала раздеваться. Андрей молча взял уже собранную сумку и вышел из квартиры. Он направился к своему товарищу по училищу, где провел бессонную ночь в разговорах и воспоминаниях курсантской жизни.

Развод Андрей оформил тихо и мирно. В ЗАГСе их ждали, молча, без особых вопросов, поставили штампы. Прощание с Ириной прошло тяжело. На глазах бывшей жены стояли слезы, Андрей еле сдерживался, эмоции переполняли, хотелось обнять эту женщину и все простить. Скорее, скорее уйти отсюда и больше в этот город никогда не возвращаться, думал Старов. Тесть обещал решить вопрос по партийной линии, направив в партийную комиссию определенную бумагу, не затрагивающую чести Андрея. В этот же день поезд увозил Андрея в другую часть страны, к своим родителям. Кампания в купе попала веселая, молодежная. Андрей выпивал осторожно, можно сказать, мало, но в компании был своим парнем. Под ночь, когда все изрядно набрались, одна из девчонок затащила его в туалет. Было страшно неудобно, кончилось быстро, но девушка не обиделась, на прощание сунула ему в карман свой адрес незнакомому ему города. Во вторую ночь уже другого поезда он ехал в купе с маленьким плачущим ребенком. Не спалось, так он оказался в купе проводницы, к которой пришел за стаканом чая после полуночи да и остался. Он с такой силой и яростью терзал ее тело, как будто испытывал ненависть ко всему женскому роду. По поведению проводницы он понял, что эта злость и дала положительный результат. Андрею пришлось самому глубокой ночью открывать дверь вагона на остановке, проводница встать не могла, сказала, что у нее болит позвоночник. Этот блуд добром не кончится, подумал Андрей про себя, что собственно и произошло позже.

Город детства встретил его пасмурной дождливой погодой. Андрей очень любил своих родителей. Они воспитали его в любви, никогда не наказывали физически за проступки. Мать, бывало, разозлится, пошлет с глаз долой в свою комнату до самого вечера, но через 15 минут уже ласковым голосом зовет:

– Андрейка! Иди кушать, что ты там засел!

Отца знали и любили во всем районе. Он работал в управлении города и считался лучшим хозяйственником. Жили они без особых привилегий в квартире, которую ему выделил еще завод. Отец старался помогать людям, по возможности решал их проблемы и давал гра-

мотные советы. Своих заводских товарищей часто принимал дома, никому не отказывал, но был справедлив и старался держать на дистанции людей, недостаточно умных, по его мнению.

– Андрейка, сыночек, как ты вовремя, я уже и телеграмму тебе в часть отправила!

– Что случилась, мама? – спросил сын, отпуская мать из своих объятий.

– Папа в больнице, врачи хотят делать операцию.

Отец встретил сына в больнице бодро, настроение было хорошее:

– Вот сын правая рука и нога стали плохо слушаться, лег провериться. Врачи говорят, что под шишкой на лбу опухоль образовалась, надо удалить.

Андрей долго рассказывал отцу о полетах, о том, как стал первоклассным командиром корабля, что облетал весь Советский Союз и был за границей в трех странах. Рассказ слушала вся палата, подошли и соседи. Гордость за сына переполняла отца, глаза наполнились слезами, которые он еле сдерживал.

– Как же ты теперь без своего «Беломора», отец, тяжело теперь? – спросил Андрей.

– Месяц уже не курю, как прижало, так и бросил. Вспоминаю теперь, как ты ругал меня, что мать дымом отравляю, – оправдывался отец.

Старов пришел на беседу к главврачу, представился, попросил разъяснить степень опасности операции. Врач его успокоил, опухоль не злокачественная, хирурги опытные, риск есть, но он минимальный. Накануне операции Андрей еще раз зашел к отцу, о своей жене ничего ему не сказал, чтобы не волновать. Отец чувствовал себя бодро, лишь на прощанье обнял сына и тихо сказал:

– Береги мать, она у нас трудяга.

– Пап, мы еще вместе повоюем.

– Конечно, сын, иди.

По словам врачей, операция прошла блестяще, Андрей на радостях отвез всей бригаде набор коньяка. К отцу его не пустили, он находился в реанимации. Отец Старова умер на следующий день от обширного инфаркта, сердце не выдержало, хотя было ему всего 56 лет. На похороны пришел весь город. Андрей в организации похорон участия не принимал, все, включая поминки, взяли на себя городские власти. Тяжесть происшедшего накрыла его позже, когда все закончилось. Остаток отпуска он провел с матерью, поддерживая ее, как мог. Уезжать, чтобы жить с сыном, она категорически отказалась, каждый день ходила на могилу мужа.

– Я отсюда никуда, похоронишь меня рядом с отцом, когда Господь заберет. Дочь здесь недалеко живет, поможет в случае чего, да и ты, сынок, не забывай, навещай меня почаще.

48 суток летного отпуска прошли быстро. Правильно говорят – одна беда не приходит, жди пару. Андрей возвращался в полк в начале июня совсем другим человеком, разведенным и потерявшим отца. Служба должна была осложниться тем, что холостяков запрещено продвигать по службе, есть указание Главкома. Но его ждали неожиданные новости. Приехал он утром и сразу пошел на построение в свой экипаж. Но ему объяснили, что 1 июня зачитали новый боевой расчет, что теперь его место – в третьем отряде третьей эскадрильи. Сначала Андрей воспринял это как шутку, первая эскадрилья собиралась переучиваться на ИЛ-76 первой. Старов рассчитывал быть в первых рядах. Посмотрев в грустные глаза членов своего экипажа, он понял, что это не шутка, пошел в конец строя. На построении его вызвали из строя и зачитали приказ командира дивизии о назначении старшего лейтенанта Старова командиром отряда. Дали три дня на прием должности. Три командира корабля его отряда были значительно старше Андрея, завоевать авторитет этих людей можно было только за штурвалом. Вечером того же дня он пришел на прием к командиру полка по личному вопросу, высказал недоумение по поводу своего назначения и сообщил о разводе с женой. Александр Григорьевич встретил своего бывшего правого летчика радушно, но деталей и причин назначения не сказал. Поставил задачу в ближайшие 4 смены получить инструкторскую программу и

серьезно заняться отрядом, после Бокова там много проблем, особенно с дисциплиной. Про развод посоветовал пока помалкивать, некоторым офицерам только палец в рот положи, по локоть откусят.

– Надеюсь, вечным холостяком ты не останешься – на прощанье сказал он.

Часть 2. Надежда

Надя заканчивала пятый курс института и шла на диплом с отличием. Много слез было пролито над учебниками, записями английских текстов и произношением. Даже мать, глядя на страдания дочери, не раз говорила на первом курсе:

– Уходи из института, нельзя издеваться над собой до такой степени. Иностраный язык преподавала старая дева, выжимавшая из девчонок все соки.

– Бездарности, – не раз воспитывала она группу, – произношения нет, запас слов мизерный, о чем вы думаете! После первой сессии половину группы выгону с треском.

Надя шла на свою первую сессию как на «голгофу», думая вытянуть кое-как на тройку, а потом решать: уйти из института или нет. Пожилой профессор внимательно слушал ее дрожащий тоненький голос, чистенькое английское произношение. Он понимал, что этой девочке не хватает только уверенности в себе. Когда Надя увидела в зачетке оценку «отлично», то была грани нервного срыва. Следующие годы студенчества прошли в более спокойных трудовых буднях, учеба стала даже интересной, ведь им, единственным в институте, разрешали изучать произношение, слушая БИТЛЗ. Девчонки из ее группы бегали на свидания, крутили любовь, иногда рассказывали такие подробности, что Надю невольно бросало в краску. Она росла в строгой семье, где и мысли не допускали, что их дочь расстанется с девственностью до свадьбы. Надя никогда не красилась, не делала маникюр, носила косу. Ухажеры у нее были, двум из них она разрешила себя поцеловать, но дистанция, которую она установила в отношениях с мужчинами, сразу охлаждала пыл молодых самцов. Они быстро теряли к ней интерес, переключаясь на более ярких представительниц женского пола. Надю это повторяющееся явление расстраивало, однако принципов своих она не меняла. Ее спасала природная общительность, начитанность, что позволяло сохранять дружеские и ровные отношения с девчонками и парнями. Еще в школе старый учитель географии вызывал ее к доске читать по учебнику новый материал.

– Самохина, хорошо читаешь, диктором будешь.

Появился у нее и постоянный ухажер, одноклассник, курсант Ленинградского морского училища. Николай, приезжая в отпуск, всегда приходил в институт в форме, собирая вокруг себя взгляды восторженных девушек.

– Такого парня отхватила, – тихо переговаривались девочки ее группы.

Наде было приятно такое внимание, но их отношения с Николаем не складывались. Он был молчун, сам себе на уме, она всеми силами старалась его расшевелить, разговорами, вопросами, но он помалкивал, не выражая эмоций. Родителям Николай понравился. Даже мама в сердцах высказала:

– Что тебе еще нужно, лучшего все равно не найдешь. В деревню по распределению хочешь ехать? Там за тракториста замуж и выйдешь.

Николай ситуацию чувствовал, поэтому еще зимой на каникулах сделал ей предложение. Если бы он был инициативен и настойчив, может быть, получил бы согласие, но он даже не купил цветы. Надя продолжала держать Николая на дистанции, не говоря ни «да», ни «нет», ссылаясь на то, что надо окончить институт. Случай на рыбалке помог ей принять решение, она Николаю отказала, а маме сказала:

– Нудный он, лучше проживу жизнь одна.

Картина со своим первым пойманным лещом всплывала перед ней постоянно. Какой восторг был в глазах отца, когда она вошла с висящим на ветке солидным уловом, когда ели всей семьей свежую рыбу. Надя подробно рассказала о рыбалке. Родители впервые видели свою дочь такой возбужденной. Они лишь упрекнули, что не пригласила помощника на рыбу.

Надя про Андрея старалась не думать, но какая-то неведомая теплота и дрожь пронизывали ее тело при воспоминании о нем. Прошло больше двух месяцев с той рыбалки, а волнение не проходило. Она бегала на рыбалку все выходные, иногда утром перед занятиями. Рыба клевала хорошо, уловы росли с каждым днем, однако радости не было. Андрей на реке больше не появлялся. Как она кляла себя, что не узнала о нем больше, не спросила фамилию. Однажды она ходила к проходной военного городка к концу работы, надеясь случайно его повстречать, однако Андрей среди военных не появился. Попытки узнать что-нибудь о радисте по имени Андрей у подруги из военного городка не увенчались успехом. Шли государственные экзамены в институте, сдавала Надя отлично, срезали ее только на научном коммунизме: в формуле капитала неправильно обвела прибавочную стоимость, поэтому красный диплом не получился. Ее ждало распределение в сельскую школу, но это не сильно ее волновало, хотелось встретить еще раз Андрея, убедиться, что она ему безразлична, уехать и все забыть.

– Привет, рыбачка, – Андрей подошел не по берегу, а сзади, – небось, всех лещей переловила в своей лагуне и мне ничего не оставила.

Надя вздрогнула от неожиданности, изо всех сил постаралась придать своему лицу безразличие, ответила:

– Помощников не было, поэтому и лещ не клевал, а Вы всю хорошую рыбалку уже пропустили, активный клев уже закончился.

Андрей сказал, что был в отпуске, но вовремя осекся, чтобы не раскрывать все его неприятности, перевел разговор на рыбалку.

– Рыбу мы сейчас поймаем, если не возражаешь, я прикормлю место.

– Давай прикармливай, только это не поможет, – перейдя на «ты», как заправский рыбак, ответила Надя и вытащила из воды удочку.

Андрей не спеша, смешал кашу и хлеб с прибрежной глиной, сделал несколько плотных комков и бросил их по краю обмелевшей лагуны. Он пришел провести выходной день на рыбалке, побыть одному и отвлечься от службы и прошедших событий. Он сразу решил идти в ту лагуну, где помог девчонке вытащить леща, надеясь пережить что-то похожее. Нахождение рыбачки на том же месте на удивление не огорчило его, а приветливый, благодарный взгляд ее зеленых глаз привел его к мысли посидеть и поболтать с ребенком. Светло-русые волосы, небольшая грудь, тоненькие, грязные от червей кисти ее рук вызвали у него любопытство. Других женщин на рыбалке он раньше ни разу не видел. Чуть ниже по течению он поставил две донки на спиннингах, повесил на них колокольчики и сел на траву рядом с рыбачкой, расспрашивая Надю о родителях, экзаменах и перспективах. Надя, воодушевленная вниманием, рассказывала, не умолкая, ее голос, как ручеек легко ложился на душу Андрею. Мешал только постоянный звон колокольчиков на донках, одолели ерши. Они с такой жадностью заглатывали пучок красных червей, что доставать крючок приходилось, выдирая все внутренности ненасытных.

– Андрей, возьмите моих земляных червей, – просто сказала Надя, глядя на его мучения.

Разумный совет, подумал Андрей, выбрал из банки толстых червей и насадил кольцами. Результат сказался почти сразу. Вскоре были пойманы язь и налим, который клюнул под вечер. Андрей тоже не остался в долгу и предложил Наде переделать ей удочку. Пока она ходила нарвать полевых цветов, он заменил всю оснастку ее удочки. Самым красивым был поплавок, он привез его из Польши. Красный поплавок всегда стоял, не ложился на бок и смотрелся на воде очень красиво, к тому же улов заметно увеличился. Наде все понравилось, но старые снасти она не выбросила, а сложила в карман. Время шло незаметно. Надя обещала родителям вернуться к 5 часам, а шел уже 7-й час вечера. Она безуспешно искала повод продления отношений с Андреем, но не находила. Наконец, она не выдержала и сказала, что ей пора,

родители будут волноваться. Андрей стал отдавать ей пойманную рыбу, но она категорически отказывалась.

– Хорошо, я возьму рыбу, но Вы проводите меня до перекрестка, как в прошлый раз, – выдвинула условие Надя.

Андрей кивнул головой. Ему понравилось общение с этой молоденькой девушкой, неожиданно возникла идея заняться английским языком. Его экипаж по новому боевому расчету был включен в состав отряда для международных полетов. По дороге домой они договорились о занятиях по выходным дням, не решили только где. К Андрею она идти категорически отказалась, пришлось согласиться на квартиру Нади. Надя повела его показывать, где живет. Пригласила на чай, добавив, что отец лично хотел поблагодарить его за того пойманного леща. Андрей не очень хотел идти к ней домой, но не стал упускать возможности занятий языком. Мало кто согласился заниматься такой специфической формой языка, как авиационной, особенностями ведения радиосвязи. Надя согласилась бы заниматься с Андреем хоть китайским языком, выучив его за ночь, однако понимала, что это не тот английский, который она изучала. Она попросила Андрея заранее принести учебники по теме, чтобы она поняла предмет изучения. Родители встретили Надю тревожными вопросами о том, что случилось, почему она не пришла к ужину. Надя с порога представила Андрея, как знакомого рыбака, помогшего ей вытащить леща, и первого своего ученика. Мать отнеслась к Андрею настороженно. Не испортил бы мне ребенка, подумала она, обратив внимание на горящие глаза дочери и неестественное покрасневшее лицо. Отец Нади встретил Андрея с открытой душой, «рыбак рыбака видит издалека». Александр Сергеевич был ветеран войны, воевал в артиллерии на Ленинградском фронте, окончил после войны Академию тыла и командовал отдельной частью, базой по хранению топлива. Год назад он ушел в отставку по болезни, фронтовые раны и контузия давали о себе знать. Он знал все руководство полка, с которым приходилось тесно встречаться по службе, поэтому разговор сразу начался о полетах и командировках, связанных с политическими событиями. За стол их пригласили в самый разгар общения, взаимную симпатию между собой они почувствовали сразу. Андрей замечал у фронтовика знакомые черты родного отца, Александр Сергеевич усмотрел в этом парне сильный характер, который так хотел воспитать в своем сыне. Андрей соскучился по домашней пище, стол был богат консервированными овощами собственной засолки, мясо и картошка в укропе стояли в центре стола в большом блюде. Надя постоянно подкладывала ему в тарелку, когда он отвлекался на разговоры, поэтому желудок был переполнен, но в тарелке Андрей ничего не оставил, привычка с детства. После нескольких рюмок он расслабился, но, пренебрегая желанием, собрался, пора было и честь знать. Домашняя обстановка так его смутила, что собственные удочки он забыл в прихожей, однако записал телефон и договорился о часе занятий в следующие выходные. Неделя прошла быстро, Андрея начали обучать по инструкторской программе полетам с правого сидения. Пилотирование получалось хорошо, а вот обнаружение ошибок, которые ему вводили искусственно, давалось хуже. Одно дело летать самому, другое не прозевать момент, когда обучаемый делает ошибку, которая может угрожать жизни всего экипажа.

Надя сдала последний государственный экзамен. Вся группа планировала отпраздновать окончание института в ресторане. Девчонки договорились о том, кто приведет своих парней. Наде сразу написали два места, рассчитывая на ее моряка. В следующий выходной занятий по английскому языку практически не получилось. Надя начала делать акцент на произношение, а Андрей решил, что это ему не надо. Не прошло и 10 минут, как с каким-то вопросом зашла мать, потом не выдержал отец:

– Занятия еще подождут, пойдем, Андрей, я тебя в шахматы обыграю.

Надя пыталась возмущаться, но отец на нее цыкнул. Надя сдалась, видя, что Андрей не против окончания занятий. Она включила магнитофон с последними записями БИТЛЗ со словами:

– Может хоть это поможет тебе понять всю красоту английского произношения – произнесла она, накрывая на стол.

В шахматы Александр Сергеевич безнадежно проигрывал, Андрей во второй партии пожертвовал две фигуры в очень острой позиции. Партия была проиграна под восторженные возгласы отца Нади, поэтому за стол садились в приподнятом настроении. После ужина садиться за английский язык было бесполезно. Они с Надей вышли прогуляться. Надя надела свое лучшее платье, подчеркивающее ровные длинные ноги, распустила русые волосы, хотела подложить ваты под бюстгальтер, но отказалась, подумав, что природу не исправишь. Всю прогулку Надя смотрела на него влюбленными глазами, однако Андрей не реагировал, не принимал никаких попыток к сближению и стал прощаться. Надя предприняла последнюю попытку:

– Андрей, на следующей неделе у меня выпускной вечер в институте, вручение дипломов. Затем всей группой встречаемся в ресторане, я тебя приглашаю.

Андрей задумался. Он понимал, что вскружил девчонке голову, однако пользоваться этим не стремился. Повторять ошибок он не хотел. С другой стороны эта девичья наивность, женская неопытность вызвали в нем непонятное чувство, которое не позволяло ему портить девушку или прервать с ней всякие отношения.

– Надя, у меня служба, на вручение дипломов прийти не смогу. В ресторан приду, но у меня два условия: ты возьмешь с меня деньги за ресторан. Я появлюсь с небольшим опозданием, должен успеть переодеться после построения.

На том и решили. За стол ресторана девушки пришли раньше, процедура вручения оказалась торжественной, но недолгой. Каждая из девушек к этому празднику готовилась особенно, ведь закончилась студенческая жизнь, начиналась взрослая. Многим из них предстояло покинуть областной центр, их могло еще спасти замужество за военнослужащим, но такой в группе оказалась одна Тоня. Ее муж, десантник, красовался в середине стола в форме. Остальные девушки были одни, накрашенные, надушенные в прекрасном настроении, они начали праздновать. Надя с ужасом начинала понимать, что зря пригласила Андрея в компанию этих стервятниц, ведь никаких обязательств у Андрея перед ней нет. Он может увлечься любой девушкой и помешать этому она не сможет. Сама Надя пришла не накрашенная, в новом, но не ярком платье. Девчонкам она объявила сразу, что придет со сверхсрочником, что бы они губы не раскатывали и не вздумали рассказывать ему о моряке. Это вызвало веселый хохот за столом, да кому он нужен, клятвенно заверили они. Языки они прикусили, когда увидели вошедшего Андрея, красивого, высокого, с легкой ироничной улыбкой, в гражданском костюме, который он надел второй раз в жизни. Он уверенно подошел к столу, весело поздоровался и сел рядом с Надей на приготовленное ему место. Где эта пигалица находит себе таких мужиков, подумала староста, за эти годы учебы найдешь 2-3-х стоящих мужика, да и те без мозгов, в голове только одно, напиться и залезть под юбку. Она сразу решила сверхсрочника проверить на интеллект и предоставила ему слово. Андрей совершенно не растерялся, он рос в интеллигентной семье, где отец приучил его к порядку: сел за стол с взрослыми людьми, будь готов достойно ответить, если тебя попросят.

– Дорогие девушки! Именно сегодня Вы превратились из студенток в преподавателей, государство вручило вам дипломы, вместе с ними и судьбу следующих поколений, а значит, и судьбу всей страны. Поздравляю вас, желаю Вам не только хорошего старта в вашей профессии, но и личного счастья. Я уверен, что воспитывать детей и давать знания нужно в радости, а на это способны только счастливые люди, женщины, – слегка смутился Андрей своей поправкой.

Он сел под дружные аплодисменты, его смущение вызвало всеобщее возбуждение и смех. Тут же последовало предложение рассказать подробнее, как сделать женщину счастливой. Смех и приколы за столом продолжались. Начались танцы, Надя старалась не отпускать Андрея далеко, познакомила его со своей лучшей подругой по институту Таней. Они вдвоем старались оберегать Андрея от «дурного влияния». Однако долго так продолжаться не могло,

Андрея втянули в кулуарные разговоры, отрывали белыми танцами. Андрей почувствовал себя раскованно, был остроумен, сказывалось влияние алкоголя. К середине вечера он ощутил на себе такое неприкрытое внимание бывших студенток, что начинал терять голову. Ему уже многие доложили о моряке, рассказав о нем, как о женихе Нади и давно решенном вопросе ее замужества. Одна из самых ярких девушек, чем-то похожая на его бывшую жену, предложила уйти вместе, намекая на отдельную квартиру со всеми вытекающими последствиями. Весь этот круговорот остановила подруга Нади, Татьяна. В самый разгар танца она решительно взяла Андрея за руку, отвела в сторону:

– Ты зачем сюда пришел? Надя собралась домой и уже спустилась в вестибюль. Изволь проводить ее до дома, а потом уже решай, с кем закончишь этот вечер, – зло выговорила она и подтолкнула его к выходу.

Андрей выскочил из ресторана, свежий ветер его слегка отрезвил, убрал дурные мысли и вернул к рассудительности и самоанализу. Надю он нагнал быстро и решил не искать такси, а прогуляться пешком. Девушка не скрывала своего обиженного лица и слегка съязвила, перейдя на вы:

– Вам, Андрей лучше вернуться в ресторан, толку будет больше. Женским вниманием, как мне показалось, вы обижены не были.

– Надя, давать советы мужчинам не рекомендую. Дурак может обидеться, а умный в советах не нуждается и не терпит над собой власти, – произнес он.

– А ты считаешь себя умным? – примирительно спросила Надя, переходя на «ты».

Андрей это почувствовал и решил смягчить обстановку:

– В закрытом помещении еще чувствовал себя дураком, а на свежем воздухе начал резко умнеть.

– Что–то я сомневаюсь, – еще мягче сказала Надя.

– Я же не обиделся, в ресторан не вернулся, значит, умнее на ходу, а вот некоторые в ресторане ведут себя, как дети, не проявляя внимания и заинтересованности, – продолжал Андрей.

– Я этого никогда не делала и делать не буду, – тихо произнесла Надя.

Часть дальнейшего пути они шли молча. Вечер был тихий и ясный, на небе просматривались звезды, хотя белые ночи сохранялись. Андрей, чтобы заполнить паузу, стал рассказывать ей о звездах, о том, что их миллиарды, но, к сожалению, человечество на них не побывает. Человеку даже не выйти из солнечной системы, организм в невесомости разрушится, кости станут хрупкими и сломаются от простого похлопывания по плечу. Он показал ей Большую Медведицу и Полярную звезду, научил определять направление на север. Она задала ему один неожиданный вопрос: почему на экваторе всегда солнечно, нет облаков, а у нас облака закрывают солнце почти весь год.

– Это очень просто, – отвечал Андрей. – Земля вращается с востока на запад, центробежные силы сгоняют испарившейся слой воды от экватора к полюсам. Чем больше испарений происходит в океане в районе экватора, тем больше атмосферные фронты принесут нам облаков. Эти силы влияют и на человека, ведь он тоже состоит из воды. Вот ты спишь головой на юг или на север? – спросил Андрей.

Надя задумалась и сказала, что не знает.

– Ученые говорят, что надо спать головой на север, чтобы кровь прилиwała к голове, снились хорошие сны. А для любви надо лечь наоборот, – решил пошутить Андрей.

Глаза Нади в сумерках светились, наивная улыбка застыла на губах, было видно, что она верит каждому его слову. Неожиданно для себя он обнял ее и поцеловал в губы. Потом увидел растерявшееся удивленное лицо и снова припал к ее губам. Надя стояла, как солдат, опустив руки и, боясь пошевелиться. Ее бил озноб, руки тряслись, она совершенно не понимала, что с ней происходит. Андрей почувствовал состояние девушки, ему самому передалось волнение,

как будто он вступил за край чего-то неизведанного и непонятного. Они незаметно подошли к дому Нади. Она несколько раз после поцелуев спрашивала его, любит ли он ее. Андрей уходил от разговоров, выдать из себя слово «люблю» он не мог. В подъезде он осмелел, начал целовать ее шею и расстегнул верхнюю пуговицу ее кофточки. Надя вдруг резко сказала «нет», быстро позвонила в дверь квартиры, договорились о занятиях в выходные. Надя долго не могла заснуть, нахлынувшие чувства смешались с сомнениями. Она твердо решила пойти завтра к подруге и все подробно узнать об Андрее.

– Андрей Старов? Какой же он радист. Он командир отряда, самый молодой перспективный летчик, ему капитана на днях присвоили, – отвечала подруга.

Надя не верила. Они вместе пошли к отцу подруги, тот подтвердил, что с такой фамилией в полку больше никого нет, достал последние фотографии со спортивного праздника и показал на одной из них Андрея. Все встало на свое место.

– Ну, подруга, ты влетела, он же женат. Жена, правда, уже полгода на сессии. Он, значит, с молоденькой девушкой решил развлечься, – расплылась подруга.

Надю как током ударило. Она не помнила, как выскочила от подруги и добежала до дома. Обманщик, вран, бабник, какими только словами она не обзывала Андрея. Дома она уткнулась лицом в подушку, непрерывно рыдая. Матери, конечно, она все рассказала. На следующий день было решено, что Андрея она больше знать не хочет. Если он будет звонить или придет, мать должна сказать, что Надя уехала к бабушке, чтобы он забыл дорогу в их дом. Мать пыталась надоумить дочь, позвонить моряку, еще не поздно выйти за него замуж и остаться в областном городе. Надя неожиданно жестко ее остановила:

– Не лезь в душу, лучше одна останусь на всю жизнь.

Андрея на следующий день ждали события. В связи с подготовкой переучивания двух эскадрилий, все командировки полка расписали на третью АЭ. Андрею определили два самых сложных рейса: Болгария – Тикси – Хатанга, снабжение военторгов севера свежими фруктами и вторым рейсом Болгария – Чита – Хабаровск, после чего перелет в Комсомольск -на -Амуре, загрузка с завода самолета СУ-17 и перевозка его в группу войск в Германии. Объем подготовки был очень большой, было не до свиданий. Он позвонил из штаба на квартиру Наде и передал матери, что улетает в командировку, как минимум месяц его не будет. Мать ответила, что передаст Наде, а про себя подумала: слава Богу, объяснять ничего не пришлось.

Болгария встретила экипаж Старова мягким, проникающим до сердца солнечным светом. Андрей рассчитывал остаться здесь на ночь, погулять по ночному Пловдиву, полюбоваться южными красотами, но ничего не получилось. Военный аэродром работал, как часы, до поздней ночи отправляя в Россию свежие фрукты. Андрей только подруливал к стоянке, а машины, доверху наполненные ящиками, въезжали в ворота порта. Не прошло и двух часов, самолет был полностью загружен персиками. Запах стоял бесподобный, персики были размером с яблоко, сладкие и сочные, каждый завернут в фигурную бумагу. Грузчиками работали молодые болгары, видимо студенты. Загорелые парни, атлетически сложенные, мечта всех российских женщин, подумал Андрей. Две девушки выглядели суховато, в них просматривались мужские привычки и походка. Болгары предложили экипажу несколько ящиков для еды и попросили быстрее улетать, на подходе было еще два самолета. Андрей отметил полетное задание и вылетел на Москву. Сопровождающих груза не было. Экипаж подписал документы на груз по количеству загруженных ящиков. Подмосковный военный аэродром встретил их удивительно вежливо.

– Вам центральный перрон – сообщил руководитель полетов, – от нас подъедет машина.

Стали на перрон вечером, однако на стоянке было многолюдно, с портфелями и пакетами. Андрей быстро оценил обстановку. Собрал экипаж в грузовой кабине и строго приказал:

– Угостить пограничников, таможеню и руководителя полетов. Остальным нахлебникам – ничего. Кто бы ни пришел, отправляйте искать командира, в полемику не вступать, в самолет

никого не пускать, лестницу поднять сразу после выхода таможи, самим выйти через аварийный люк.

Пока шло оформление груза, Андрей с разрешения пограничников вышел и прошел сквозь толпу. За командира его никто не принял. На вопросы, где командир, махнул в сторону самолета. Андрей пришел к диспетчеру, предупредил, что экипаж ночует, заявку подает завтра на 9.00. Дальше он набрался наглости и пошел к начальнику командного пункта, нужно было устанавливать связи, чтобы его фамилию в заявке знали и решали вопросы приема вне зависимости, фруктовый рейс или нет. Его встретили приветливо, спросили, что привез. Андрей негромко ответил – персики и попросил тару. Не забыл намекнуть, что будет выполнять не один рейс и вообще будет у них частым гостем. Ему тут же вручили портфель значительных размеров и обеспечили место в гостинице, на обещания в содействии не скупились. Подошли штурман с правым летчиком, рассказали, какой выдержали штурм.

– Были представители коменданта, батальона обеспечения, метеослужбы и твой однокурсник. Подъезжал на газике полковник, страшно ругался и уехал тебя искать. Мы сделали все, как ты сказал, если бы не подняли лестницу, толпу было бы не выгнать.

Андрей просчитал все правильно, перегнал самолет на новую стоянку, разрешил насыпать персиков до заправки самолета, иначе ждать пришлось бы всю ночь. В диспетчерскую Андрей больше не пошел, его там ждали. Дал указание экипажу сдать самолет под охрану и направляться в гостиницу. На следующее утро оформление на вылет шло, как по маслу – никаких обычных придинок, ни испорченного настроения. На аэродром Тикси они сели в районе ужина по местному времени. Их встретили хорошей организацией. Возле самолета выставлено оцепление, никого из посторонних близко не подпустили. Начальник военторга приехал лично, вошел в самолет и осмотрел груз. Недовольно указал Андрею на некоторые неполные верхние ящики в рядах. Андрей не оправдывался, лишь сказал:

– Вы, вероятно, знаете обстановку на аэродромах. Ценой этих мелких потерь я довел Вам груз в отличном состоянии за одни сутки. Испорченных персиков нет, ваш процент на списание с избытком покрывает все эти потери.

Весы установили прямо в самолете. Каждая нагруженная машина уходила в свой магазин военторга. Отсчитав половину ящиков, Андрей остановил разгрузку и намеревался оставшийся груз вести дальше. Приехал начальник военторга и приказал Старову выгружать весь груз на аэродроме Тикси. Андрей отказался, ссылаясь на задание командного пункта. Ему объяснили, что военторги Хатанги подчинены этому начальнику, поэтому решает здесь он, кому и куда везти, что соответствующие документы он оформит. Командирского опыта Андрею не хватило, он согласился, разгрузка и взвешивание продолжались всю ночь, потому что ждали машины, которые делали рейс и возвращались обратно. Утром Старов явился к начальнику военторга для оформления документов и записи в полетном задании. Полковник встретил его с улыбкой, видимо, результаты взвешивания его удовлетворили. Он спросил Старова, может ли он чем-нибудь ему помочь. Андрей задумался, предстоял перелет через всю Россию, где деньги ничего не значат, а дефицитный товар пригодится для питания и решения мелких проблем. Андрей попросил растворимого кофе и консервов. Все это было незамедлительно доставлено на борт. Экипаж Старова изменил заявку и через сутки вылетел в Болгарию. Второй рейс начался для экипажа Старова с крупных неприятностей. По прилете в Москву его вызвали в штаб военно-транспортной авиации за нарушение поставленной задачи в первом рейсе. Андрей стоял бледный по стойке «смирно» в отделе перевозок, где на него орала два полковника сразу. Ярость и злость кипела непрерывно:

– Идиот, кто таких придурков командирами кораблей ставит. Мы не только тебя, но командира полка твоего снимем с должности. Полсевера оставил без фруктов, жалоба на твой экипаж дошла до министра обороны.

Андрей робко пытался объяснить ситуацию, но его быстро заткнули:

– Твой начальник военторга в штаны наклал и заявил, что это ты уговорил его принять весь груз, потому, что он весь потек, до Хатанги его было не довести. Ты обязан был доложить сюда в штаб о любых изменениях, тебе никто не давал право самому принимать решение. Давай сюда все свои документы, сиди здесь и готовься к снятию с должности. Я к командующему, сейчас будем решать, что с тобой делать.

Командующий, генерал-полковник Паклев, слушая доклад начальника перевозок, думал о создавшейся ситуации в целом. Шло переучивание дивизии, экипажей на специальные задания не хватало. В это лето штаб просто лихорадило, приходилось держать экипажи на заданиях месяцами, постоянно изменять и добавлять задания. Командующий коротко спросил:

– Так он сейчас в Болгарию летит?

– Нет, – последовал ответ, – он загрузился на второй рейс, в Хабаровск – Комсомольск – Германия.

– Сколько времени он находился в командировке? Дайте сюда полетное задание.

Командующий детально изучил время рейса, увидел запись начальника военторга и сразу все понял. Лицо его побагровело:

– Первый рейс он выполнил за одни сутки, какой испорченный груз, что вы мне лапшу на уши вешаете? Капитана не трогать. Мои экипажи не должны отвечать за действия этих тыловых «крыс». Подготовьте мне документы, Главкому я сам доложу, идите.

– А что делать с рейсом на Хатангу?

– Вот Старова и отправьте, он же туда готовился, а третьим рейсом пусть летит на восток.

Андрею все было преподнесено таким образом, что только полковнику удалось его спасти от снятия с должности и разрешить исправить собственную ошибку. Ему выделили автобус для доставки на аэродром, с условием, что он пустой не вернется. Андрей понимал всю серьезность обстановки и был благодарен отделу перевозок, поэтому послал не только персики, но и продукты из ненавистного Тикси. Вылет в Хатангу затянулся, в первые сутки меняли заявку на вылет, потом согласование заявки на вылет не прошло, затем не было погоды. Температура в Москве доходила до 27 градусов тепла, персики начали подтекать. Появились и другие неприятности: в комендатуре задержали помощника и стрелка за нарушение формы одежды, в гостинице отказали в комнате, а штурман с радистом не прошли контроль готовности и были отправлены на дополнительную подготовку. Андрей отлично понимал, откуда растут проблемы, постепенно их решал с помощью персиков, но ненависть к этому аэродрому постепенно усиливалась. Разрешение на вылет Старов воспринял как большую удачу. Хатанга встречала экипаж райской прохладой, при выходе из самолета пришлось одеть куртки. Разгрузили их быстро, не взвешивая груз. Немного подпорченный вид персиков никого не смущал. Местное начальство было довольно. Они открыто сказали Андрею, что звонили министру, когда узнали, что их груз выгружен в Тикси. Зато теперь они очень довольны, персиков хватит даже городскому населению. Андрей посетовал, что он живет недалеко от Ленинграда, но таких персиков в магазинах никогда не продавали. Ему посоветовали прилететь сюда зимой, в полярную ночь, таких бы вопросов он не задавал. Андрей поинтересовался ценой в магазинах. Ответ был предсказуем: «больше, чем два рубля за килограмм, продавать не имеем права». Военная авиация для военторга – самый дешевый вид доставки.

Город Хатанга выглядел необычно из-за коммуникаций, проходивших над землей вдоль улиц и между домами. Весь город состоял из низкорослых домов, растянутых во все стороны, и походил на большую деревню. Среди них отдельные кварталы пятиэтажных домов смотрелись, как небоскребы. Старов дал экипажу сутки отдыха, чтобы набраться сил перед самым

тяжелым рейсом и познакомиться с городом. На следующее утро они шли по городу всем экипажем с чувством гордости за проделанную работу. Во многих магазинах стояли очереди за их персиками. На лицах людей наблюдалась радость, брали ящиками. Продавщица в очереди просила не ругаться, всем хватит. Экипаж Старова принимали за чужаков, но когда узнавали, что именно они привезли персики, скромно благодарили. В промтоварных магазинах было бедновато, но можно было найти местную продукцию. Андрей купил для Нади чучело белки, которую трудно было отличить от живой, матери он присмотрел толстую оленью шкуру с большим ворсом, стоившую недорого.

Аэродром Чкаловский не принимал экипаж Старова третьи сутки. Андрей по межгороду дозвонился до начальника КП, с которым накануне обо всем договаривался. Тот ответил, что не может, кончилось топливо, заправляют только «литерные» рейсы. Андрей стал настаивать, что топливо брать не будет, пройдет таможеню и сразу уйдет в Болгарию.

– Ладно, – согласились на проводе, – на сегодня план прилета утвержден, а завтра попробую тебя протолкнуть, с тебя причитается.

На четвертые сутки экипаж Старова, заправленный под завязку, вылетел через Москву на Пловдив. Андрей знал, что обратно его примут без всяких разрешений, а достать топливо, имея на борту персики, намного проще. Когда загруженный персиками экипаж Старова сел на аэродром Чкаловский, весь экипаж трясло, как от аллергии. Заправки не было и не обещали. Андрей поднял всех, налаженные связи, командный пункт военно-транспортной авиации, но официально никто сделать ничего не мог. В августе во всей стране кончился керосин, летали только избранные, даже в Москве. Подвоз топлива обещали через неделю, фрукты пропадут, всем это было понятно, но принять решение о разгрузке в Москве и смене задания командный пункт отказался. Андрей понимал, что просто сидеть и ждать, когда все пропадет, он не мог. В диспетчерской он подал заявку на полет на все ближайшие аэродромы. Теперь он оставлял бортехников ночевать в самолете, с единственной задачей – найти топливо любой ценой. На третью ночь бортехники перехватили топливозаправщик, обманули солдата – водителя и заправили самолет вместо «литерного». Андрей поднял экипаж засветло и вылетел на Свердловск до начала рабочего дня, боясь очередных разборок. В Свердловске он нашел топливо быстро, угостив комбата небольшим количеством персиков. Дальнейший перелет снова остановился. Экипаж подал заявки на Новосибирск, Барнаул и Кемерово, но разрешение на вылет не было, хотя в заявке был указан «зеленый рейс», который обязаны принимать вне очереди. Андрей двое суток не выходил от диспетчера военной комендатуры, листал свою записную книжку с позывными коммунаторов и звонил всем подряд. Только глубокой ночью, когда связь упростиась, ему удалось договориться с Барнаулом. В разгар лета персиками соблазнить было трудно, но помог хороший знакомый по лейтенантской поре. Делай добро людям, и ответное добро придет обязательно, но только тогда, когда его не ждешь. В Барнаул Андрей сел глубокой ночью, хотелось задержаться у товарища, но персики потекли, под самолетом образовалась лужа. Он без отдыха вылетел на Читу, обещая экипажу передышку в Хабаровске. На военном аэродроме в Чите командир полка и комбат послали Старова куда подальше. Персиков им, конечно, хотелось, но боевая подготовка была важнее. Андрей понял, что здесь окончательный тупик. Спасло наличие связи с Хабаровском. Он позвонил в военторг Хабаровска и коротко объяснил обстановку, сообщив, что груз на 30 процентов уже испорчен. Решение пришло быстро. Согласовали разгрузку половины фруктов в Чите. Старов, наученный горьким опытом обещаний, разрешил разгрузку только после того, как подойдет топливозаправщик. Прибыл командир полка, начал кричать, что Старов срывает ему плановые полеты. Однако после некоторых согласований разрешил заправку самолета, связи с руководством военторга сразу пересилили боевую подготовку. Благодаря такой организации экипаж вылетел на Хабаровск

без ночевки и отдыха. Остаток груза сдали быстро. Начальник военторга, осмотрев остатки груза, пожалел, что выгрузил часть в Чите.

– Это лучшие персики с Запада, которые я видел за последние годы. Обязательно попрошу, чтобы именно тебя направляли к нам в следующий раз, – сообщил он Андрею.

Экипаж валился с ног, надо было хоть две ночи отоспаться и привыкнуть к разнице во времени. Командир со штурманом пришли в гостиницу последними, их ждали, стол был накрыт. От усталости водка пилаась, как вода, и быстро сморила. Они проснулись на следующий день к обеду по местному времени. Решили всем экипажем пойти посмотреть город. Отказался только бортехник, возраст которого приближался к сорока пяти, бессонные ночи и перелет уже сказывались. Николай Семенович сказал, что сходит на ужин и будет ждать их в гостинице.

В августе Хабаровск показался прекрасным местом. Необычный для города холмистый ландшафт сопровождал экипаж на протяжении всего пути. Набережная реки была полна молодежи. Гуляли по городу вместе, всем экипажем, ужинали в уютном кафе с пивом. К вечеру потянулись к гостинице, сказывалось напряжение последних перелетов. Всех тянуло домой, в родной полк к семьям, строили планы вернуться за одну неделю. Бортехника в гостинице не было. Андрей не очень расстроился, куда может деться взрослый мужик, наверное, встретил своего старого товарища. Легли спать в одной комнате на экипаж, в гостинице для перелетных экипажей. Андрею не спалось, прошло два, три часа ночи, бортехника не было. В голову лезли дурные мысли, что делать, где искать. Чувство ответственности за экипаж, за полк будоражили сознание. Николай Семенович открыл дверь комнаты, когда до подъема на вылет оставалось два часа. Он был абсолютно пьян. Андрея подмывало вскочить, наорать на своего подчиненного, но он понимал, что это бесполезно. Нужно было думать, как отложить вылет. Между тем Семенович с большим трудом снял рубашку и начал вытаскивать из брюк майку. Это движение у него никак не получалось. Первым захихикал радист, поняв, в чем дело. Андрей, сжав зубы от злости, старался не смотреть на бортехника. Когда начался дружный хохот всего экипажа, он невольно обернулся. Долгие старания Семеновича увенчались успехом, и его майка, выпущенная из штанов, упала ниже колен и превратилась в женскую ночную рубашку. Смех перешел в дикое ржание, у Андрея от смеха потекли слезы, бессонная ночь и злость куда-то растворились. Бортехник ревел, как медведь, пытаясь освободиться от женской рубашки, плотно севшей на его грузное тело. Снять через голову он даже не пытался. Плотная ткань сорочки, наконец, поддалась, лопнула прямо на груди. Ткань затрещала, разрываема на мелкие длинные лоскуты, пока не разорвала рубашку на две половины. Все это сопровождалось пьяной руганью бортехника и нарастающим до визга хохотом экипажа. Андрей с трудом, пересиливая смех, как можно строже выдавил из себя:

– Прекратить, всем спать, через два часа подъем на вылет.

Смех замер несколько минут, а потом взорвался неожиданно с новой силой. Утром вести бортехника на медосмотр было бессмысленно, Старов надеялся перенести вылет на вечер, поэтому дал экипажу поспать еще пару часов. Однако все складывалось, как всегда, непредсказуемо. Диспетчер сообщил, что топливозаправщик уже два часа ждет экипаж под самолетом, разрешение на вылет получено, вылет находится под контролем Москвы. «С завода тоже звонили, так что оформляйтесь быстрее». Старов не знал, что он первый из пяти поставленных на план экипажей прорвался на Дальний восток. Завод стремился быстрее загрузить изделие, отчитаться за квартал и получить премию. Руководство завода заставило всех шевелиться и требовало самолеты. Положение экипажа Старова было критическим. Объявить задержку вылета по неисправности он не мог. Пришлют инженеров местного полка, которые начнут с вопросов к бортехнику и все поймут. Придется давать задержку вылета по болезни бортехника, но это неминуемо приведет к отстранению от полетов всего экипажа, расследованию с

неизвестными последствиями. Большой вины, как командира, Андрей за собой не чувствовал, решил так и поступить. К командиру подошли все члены экипажа с просьбой сделать что-нибудь, но не сдавать деда, так они называли борттехника. Андрей мучительно искал выход, Николая Семеновича было жалко. Выгонят из партии, а, возможно, из армии по статье о пьянстве. Позору в городке не оберешься. Семенович тем временем от завтрака отказался, пешком пошел на аэродром со словами:

– Делайте, что хотите.

Решение пришло неожиданно. Андрей сам удивился, с какой легкостью он на это пошел. Он достал чистый бланк дополнительного полетного задания, заполнил графы состава экипажа без борттехника, вписав на его место стрелка. Медицинский контроль прошли спокойно, давление и пульс у всех были в норме. Врач спросил о том, что их шестеро в экипаже, получив подтверждение от командира, поставил штамп допуска. Диспетчера интересовал только штамп в полетном задании. Старов подходил к самолету с целью провести воспитательную работу с борттехником. Экипаж был выстроен строго по линии и стоял по стойке смирно, штурман успел все им рассказать. Командир осмотрел на свой экипаж, глаза всех выражали преданность и уважение за принятое решение. Слегка протрезвевший Николай Семенович тупо смотрел себе в ноги. Андрей начал сурово:

– Запомните, другого бланка полетного задания у меня нет. Больше покрывать пьянство я не буду. Готовимся к вылету.

Далее командир экипажа коротко напомнил схему выхода, код системы опознавания и дал команду на подготовку к запуску двигателей.

– Рассказывайте, что случилось, – отозвал он в сторону борттехника.

– Рассказывать-то нечего. Пошел на ужин в летную столовую, был там практически один. Ко мне подседа повариха, подкладывала все, да и убедила зайти к ней на рюмочку.

– Ты хоть справился с ней? – уже миролюбиво спросил Андрей.

Семенович тяжело махнул рукой и произнес:

– Был бой двух старых быков, больше ни о чем меня не спрашивайте. Все равно не расскажу.

Андрей более внимательно контролировал работу борттехника в полете, хотя Семенович справлялся сам, сказывалась старая закалка. На заводском аэродроме Комсомольска-на-Амуре все было готово к погрузке. Самолет СУ-17 со сложенными крыльями, укрытый чехлами, вывезли из цеха на специально изготовленной тележке, которую нужно было лебедками затянуть в самолет. С виду несложная операция продолжалась до глубокой ночи под светом прожекторов. Зазор груза от створок грузовой кабины – несколько сантиметров, любое неточное движение – и можно было повредить борт. Много раз, дотасив длинную сигару изделия почти до середины, понимали, что неточно выставили, и все начиналось сначала. Андрей со штурманом между тем составляли инженерно-штурманский расчет полета. Изделие было настолько тяжелым, что топлива можно было взять на три часа полета, ограничения получались по максимальной взлетной массе. Они определили ближайшие по дальности аэродромы заправки и дали на них заявки.

В течение следующей недели капитан Старов каждое утро поднимал экипаж на вылет, проходил медицинский контроль и готовил самолет, но ни один аэродром не давал разрешение на прием. Андрей не слезал с телефонов, изучил всех диспетчеров в сменах, звания и должности всех командиров частей. В середине августа был разгар отпусков, пассажирских рейсов и повсеместное отсутствие топлива. Никто ничего сделать не мог. Вторую неделю Андрей уже не поднимал экипаж на вылет, каждое утро делал дежурный звонок диспетчеру и понимал, что ничего не изменилось. Деньги в экипаже кончились, экипаж медленно деградировал. Два члена экипажа крутили любовь с местными женщинами, радисту он разрешил в гостинице не

ночевать, зато каждый день тот приносил домашнюю еду, подкармливая экипаж. Не спасали коллективные выходы в город и рыбалка. Денег не было, но водка не кончалась. Андрея это раздражало, хотя он от совместных посиделок не отказывался, понимая, что если не можешь предотвратить пьянку, ее нужно возглавить. Нельзя допускать неуправляемого процесса. К началу третьей недели терпение его кончилось. Андрей понимал, если сейчас не вылетит, то просидит здесь еще месяц с нехорошими последствиями для экипажа. Девушка радиста уже приходила знакомиться с экипажем и открыто рассуждала о замужестве. Экипаж помалкивал, у радиста дома осталась жена и двое детей. Андрей со штурманом решили долететь до ближайшего аэродрома военно-транспортной авиации под Читой. Для этого требовалось превысить максимальную взлетную массу почти на пять тонн. С точки зрения безопасности запас прочности в самолете заложен достаточно. Андрей летал и с большим весом в Сирию еще правым летчиком, но тогда было специальное разрешение командующего, согласованное с конструктором Антоновым. Пойти на открытое нарушение закона он не мог. Старов пришел на завод с просьбой снять часть груза и переделать документы, где указать меньший вес изделия. Его выслушали, но делать ничего не собирались, тогда он попросил машинистку подправить указанную массу, ссылаясь на допущенную ошибку. Секретарь видела, что капитан вышел от начальника, и подправила «ошибку». В этот же день экипаж Старова сел под Читой на «родной» аэродром военно-транспортной авиации. Здесь дали топливо по команде командного пункта из неприкосновенного запаса. В Новосибирске удалось добыть заправку ночью у гражданских служб ценой оленьей шкуры. Самым опасным участком маршрута оказался перелет до Свердловска. Сначала они попали в грозовой фронт, который, маневрируя, обошли, затем встречный ветер в 150 километров в час поставил экипаж на грань решения посадки на запасном аэродроме, с перспективой месяц сидеть без топлива. Андрей опросил встречные экипажи о силе ветра по эшелонам. Он изменил эшелон, повернул на северный маршрут, но долетел. На посадке горели четыре красные лампы аварийного остатка топлива. В Свердловске их ждало радостное событие. В Москве топлива не было, поэтому им разрешили оформление таможни в родном полку, силами командования полка. Экипаж почувствовал облегчение только в Германии после успешной разгрузки «изделия». На полученные командировочные марки всем экипажем пошли в магазин внутри гарнизона. Несказанной красотой сверкали полки одежды, отдел продуктов ломился от сортов колбасы с невероятным запахом. Истратили все командировочные и обменные 30 рублей. Андрей купил ярко-красную ночную рубашку Надиного размера. На кассе тихая шутка радиста в адрес бортехника:

– Тебе тоже такую нужно, возвращать рубашечку придется, – чуть не привела к драке прямо в магазине, но страсти улеглись быстро.

Вечером за пивом Николай Семенович взял со всех членов экипажа слово офицера, что они не расскажут о событиях в Хабаровске до его увольнения. Отдельно поблагодарил командира за все, что тот сделал для него. Эта торжественная благодарность с уважительным переходом на «Вы» растрогала весь экипаж.

Отряд не заметил потери бойца, так можно охарактеризовать обстановку в полку с возвращением экипажа Старова. Командир эскадрильи спросил насчет первого рейса на север, «звонили тут месяц назад, потом все затихло». Андрей коротко доложил ему о своей ошибке, проблемах с топливом, написал подробный рапорт, но это уже никого не интересовало. Не прошло и двух дней, как его вызвали в штаб полка для постановки новой задачи.

– Только не Дальний Восток, – взмолился Старов, входя в кабинет заместителя комполка.
– Не волнуйся, на этот раз Ташкент – Монголия, там проблем с топливом нет.

Николай Семенович подошел к своему командиру отряда после построения и сообщил, что едет в госпиталь списываться, что ему такой ритм полетов не выдержать. Андрей его понимал, сделать ничего не мог, поэтому отпустил с миром. Он сам чувствовал усталость во всем теле. Перед вылетом Андрей позвонил родителям Нади, узнал от отца, что Надя уехала по рас-

пределению в другой конец области, обещал зайти после очередной командировки. Его порадовало то, что она не вышла замуж за моряка. Он все больше осознавал необходимость иметь семью, чтобы возвращаться после таких тяжелых рейсов к родному очагу, а не искать случайных связей на стороне. Надя медленно вытесняла Иру из его души, но поехать к ней сейчас у него не было никакой возможности.

Кто не был в Ташкенте в сентябре, тому не понять, что такое Узбекистан. Летнее жгучее солнце превращается в мягкое покрывало, обволакивающее все тело. Фруктами и овощами завалены все рынки, запах зелени заполняет все пространство города. Лепешки пекут на твоих глазах, шашлыки из парного мяса на каждом углу. В 70-е годы прошлого века такая картина казалась фантастикой. В это время в Сочи были длинные очереди в кафе, где в тарелку бросали комок с гарниром и несъедобную котлету.

– Командир, попробуй виноград, пальчики оближешь, – кричали приветливые продавцы, хватая за рукав.

Цены низкие по сравнению с зарплатой пилота. Удивляло, по сравнению с центральной полосой России, обилие промышленных товаров. Женские сапоги на высоком каблуке шьют прямо в маленьких мастерских, одеждой завалены рынки и магазины, правда, с узбекской спецификой и расцветками. Андрей попал в этот город впервые, ему все здесь нравилось. Он даже не предполагал, что через два года он будет проводить в этом городе несколько месяцев в году, начнется война в Афганистане, и эти приятные запахи станут комом в горле от желания быстрее покинуть этот район.

Эта командировка казалась абсолютно не сложной. Предстояло выполнить два самолетных рейса с овощами и фруктами по обеспечению войск. По прилету к экипажу подошли две молодые женщины.

– Вы на Чойболсан? – спросили они.

Получив утвердительный ответ, представились:

– Галя и Валя, сопровождающие груза.

Старший представитель военторга Галя отвела командира в сторону для личного разговора.

– Командир, когда загрузка и вылет? Товар у нас готов, с учетом погрузки на складах и в самолет, управимся полдня.

Андрей ответил сразу, что загрузка завтра утром, вылет после обеда. Это вызвало удивление в глазах сопровождающей.

– Командир, вы серьезно, вы потом не откажетесь вылетать? – с тревогой переспрашивала Галина.

Андрей даже не понял существа этого вопроса, поэтому довольно резко сказал:

– Давайте договоримся сразу, я командир этого экипажа, мои решения по вопросам перелетов не обсуждаются. Все, что я говорю, не подлежит сомнению. Все вопросы с грузом, в том числе вопросы ускорения вылета и заправки, Вы решаете сами. Понимаете, о чем я говорю?

Галя подтвердила головой, сказав, что летит не первый раз.

– Вам обещаю, продолжал Андрей, по нашей вине задержки не будет и груз не испортится.

Капитан Старов летел на другом самолете с молодыми борттехниками, но работой их по загрузке был доволен. Овощи подвозили всех видов. Новый борттехник командовал загрузкой уверенно, отправляя очередную машину в сторону, подгоняя другую, чтобы не нарушить центровку в самолете. Андрей оценил продуманность и качество товара, женщины тоже были профессионалами своего дела. В полете сопровождающие дамы приготовили для всех членов экипажа ужин. Большие подносы с мясными деликатесами, свежим салатом из помидоров, перца и зелени были поданы каждому члену экипажа, завершился ужин крепким кофе, изысканный

вкус которого был восхитителен. Члены экипажа просто обалдели, такого обслуживания никто из них не видел, даже в домашних условиях. Штурман произнес то, что было у всех на устах:

– Так летать можно, не выходя из самолета.

Перед вылетом в Монголию предстояла ночевка под Читой. Женщины сразу повели себя странно. Они категорически отказались идти в гостиницу, желая ночевать в самолете. Ночами было холодно, самолет сдавался под охрану караула, оставлять здесь женщин было просто опасно, могут выйти в туалет и быть застреленными часовыми. Командиру они заявили прямо, что в прошлом рейсе они за ночь не досчитались половины груза. Товар был разворован, как они предполагали не без участия экипажа. Старов настаивал на отправке в гостиницу, переходя от уговоров на приказы, но ничего не добился. Раз так, пусть ночуют, но из самолета не выходят, дверь в кабину экипажа закрыть, дал распоряжения командир. Один из борттехников очень просился ночевать с ними, но командир запретил, думая, что медицинский контроль после такой ночи он не пройдет.

В три часа ночи капитана Старова подняли в гостинице. Среди ночи Валентина устроила скандал, подняла начальника караула и начальника штаба полка. Наговорила там черт знает что, экипаж их бросил в самолете, в холоде, что все они подлецы и т.п. Андрей коротко объяснил начальнику штаба обстоятельства, попросил время для самостоятельного решения всех проблем. С подвыпившей Валентиной он не стал даже разговаривать, поехал на самолет, поднял мирно спавшую Галину, укрытую двумя матрацами и одеялами. Злость в нем бушевала.

– Утихомирь свою подругу, утром сама улаживай все проблемы с руководством полка. Если у меня сорвется вылет из-за вас, выгружу все под самолет и улечу. Тогда точно у тебя начнутся проблемы, – зло высказал командир и поехал спать, ожидая худшего.

Оформление на вылет прошло, как никогда гладко, никто не вспомнил о ночном происшествии. Только врач хитровато спросил:

– Ну как отдохали, не беспокоил ли кто ночью?

Андрей сразу заметил коробку с фруктами, прикрытую бумагой, сказав, что все хорошо. Про себя он подумал, что Галина молодец, со своей задачей справилась. Она встретила командира приветливо и деловито, зато Валентина, как побитая собачка, старалась на глаза ему не попадаться. В полете Валентина предприняла попытку примирения с Андреем. Она принесла поднос для командира с отдельными деликатесами. Там была красная икра, балык, фирменный салат и дыня. Аромат дыни распространился по всему самолету, соблазняя запахом весь экипаж.

– Я не голоден, отнеси этот поднос штурману, а мне чашку кофе, – произнес командир.

Сразу после посадки к Андрею подошла Галина:

– Командир, к 9-ти вечера мы ждем весь экипаж в здании военторга с обратного входа, все продукты и алкоголь за нами, у нас такая традиция после успешного рейса.

Андрей не возражал, он дал экипажу сутки отдыха, вылетать на следующий день не планировал. Стол действительно оказался шикарный: армянский коньяк, овощи, фрукты и дефицитные консервы в изобилии. Все обиды были забыты, коньяк делал свое дело. Галина и Андрей уединились, разговор был откровенный. Она рассказала, что все рейсы раньше они выполняли с дальневосточными экипажами. Порядок был всегда одинаковый. Двое суток гуляния в ресторане за счет сопровождающих, иначе вылет затягивался, груз портился. Кроме этого постоянно воровали груз на аэродроме заправки. Ночью один из членов экипажа договаривался с караулом, вскрывал самолет и продавал часть груза. Утром, сопровождающие груза со всеми вместе приходили на самолет: пломбы, печати на месте, а четверти груза как не бывало. Следов и доказательств нет.

– Меня на три месяца оставляли без зарплаты. С твоим экипажем, Андрей, все сразу пошло не так, мы не знали, что вы с «другой планеты». На загрузку согласились сразу, без всяких условий. В номера гостиницы к нам вечером не пришли. Я Валентину всегда беру с собой для этого, она никому не откажет. К себе редко приглашаю, если только мужик понравится. Тебя в Ташкенте к ночи ждала, даже стол накрыла, но ты не пришел. После благополучного вылета я решила, что основную «подлянку» экипаж подготовил нам в Чите. Ты так уговаривал меня ехать в гостиницу, что я точно была уверена, что часть груза будет украдена. Ночью мы замерзли, грелись коньяком. Валя после алкоголя без мужика спать не может, вот и устроила скандал, когда я заснула. Утром я за час решила все проблемы, с другими экипажами было намного дороже решать дела после пьянок и дебошей, которые они иногда вытворяли.

– Андрей, ты знай, если тебя еще раз пришлют в Ташкент, я обязательно прилечу с тобой в рейс. Фамилия у тебя редкая, узнаю по заявке.

Андрей слегка обнимал Галину за плечи, но неожиданно она отстранилась. Сказала, что теперь поздно, сейчас за ней сюда придет муж, «давай оставим все до будущих рейсов». Муж действительно пришел. Высокий блондин, простой и открытый парень сел со всеми за стол. Обстановка в коллективе была веселая и дружелюбная. На прощанье холостячка Валя увела с собой молодого борттехника, так рвавшегося на ночевку в самолете. Галя утром пообещала привести набор продуктов в подарок каждому члену экипажа. Она сдержала свое слово, приехала к обеду с продуктовыми наборами. Отозвала командира в сторону и попросила помочь довести борттехника из машины до кровати. Андрей спросил:

– Неужели так напился?

– Нет, – ответила она, улыбаясь, – Валя перестаралась, я тут молока принесла, его до вечера придется отпаивать.

Вечером под всеобщее сочувствие борттехник рассказывал подробности прошедшей ночи.

– Она мне ночью вообще спать не давала. Только засну, она своей рукой залезет в мое хозяйство и тянет со словами: ты что, спать сюда пришел. Под утро я даже шевелиться не мог, так в эту бабу черт какой-то вселился. Все делала сама, и у нее все получалось.

Да, подумал Андрей, страшна женщина в гневе, отомстила бедняге за командирское презрение. Во втором рейсе экипаж Старова сутки провел в Ташкенте, ожидая очередную загрузку. Сопровождающими были две пожилые, приветливые женщины. Они уже знали по линии военторга, с каким экипажам летят, радости не скрывали. Рейс на другой монгольский аэродром Чойрен прошел благополучно. Андрей выполнил его без промежуточной ночевки, вылетев из Ташкента с рассветом. В конце не было банкетов, подарков, однако экипажу разрешили приобрести любые товары на складах по своему выбору. Все в экипаже были довольны: кто взял ковер, кто дефицитные продукты. Андрей подобрал себе импортный спортивный костюм и продукты, которых дома не найти за любые деньги: кофе, икру, печень трески и многое другое. Разгрузка товара совпала с субботним днем, поэтому Старов дал заявку на вылет в понедельник.

Выходной они решили провести на рыбалке. Собственно экипаж расположился на берегу реки на пикник, а Андрей выпросил у хозяйки гостиницы две удочки в надежде что-нибудь поймать. Как хозяйка и советовала, на крючок насадил большой комок обжаренного хлеба. Течение на реке было быстрое, вода мутная, других рыбаков не было. Насадку сильным течением прибило к берегу, поплавок не было, хозяйка говорила, что клев смотреть по удилице. Экипаж хохотал в голос, когда командир рассказал, как тут ловят рыбу, а радист вошел в воду и убедился, что глубина в реке чуть ниже колена. В самый разгар пикника одно удилице сильно согнулось. Штурман увидел первым, схватил удилице и с силой потянул на себя. Леска в полмиллиметра лопнула, а рыба даже не вышла из воды. Командир спустил на него всех чертей,

предупредив всех, что следующая поклевка его. Ждать долго не пришлось. Андрей, как опытный удильщик, засек рыбу и стал медленно выводить ее из воды. Весь экипаж сгрудился рядом и орал, как бешеный. Сазан, килограммов на 6, лениво вышел из воды и одним движением, как лошадь дергает уздечку, сломал верхний конец бамбуковой удочки. Андрей успел перехватить отломившейся конец, но рыбу в воде уже никто не видел. Крючок на удочке оказался сломанным. Утром Старов сидел у диспетчера в ожидании разрешения на вылет и рассказывал ему про свою рыбалку. Тот не высказывал никакого удивления.:

– Мы иногда тут ловим, но леску, тоньше 0,8 не ставим. В прошлом году прилетал корреспондент «Красной Звезды», он делал репортаж на ракетной точке, вот он рассказывал, я сам был удивлен. Там рядом с казармой небольшое проточное озеро в низине. Он бросил спиннинг, блесну срезало, как бритвой. Тогда солдат с локатора пришел ему показать, как нужно ловить рыбу. Он принес небольшую буханку хлеба, разломал на три части, насадил на кованый самодельный крюк, прикрепленный веревкой к корню большого дерева на берегу. Попросил корреспондента отойти в сторону, чтоб ногу не повредить, размахнулся и забросил. Через минуту последовал удар, потрясший весь корень. Солдат позвал еще двоих. Они вчетвером вытащили рыбу весом 56 килограмм, представляешь? Монголы совсем рыбу не едят, поэтому ее здесь много, наши ходят на рыбалку, в основном, водки попить.

В ожидании разрешения на вылет Андрей впервые услышал известный рассказ о «чухонке», которую как-то один молодой лейтенант привел к себе домой. Чтобы устранить запах, исходящий от ее тела, насыпал в ванну стирального порошка и заставил мыться. Кожа молодой монголки покрылась волдырями, разразился скандал, бедного лейтенанта срочно отправили на Родину.

Пока экипаж Старова ловил рыбу в Монголии, вокруг него снова сгустились тучи. Застрали более месяца три экипажа, загруженные СУ-17 в Германию, из-за невозможности перелета по взлетной массе. О них, может быть, и не вспомнили бы, но произошла массовая драка в одном экипаже на почве пьянства, с ножевыми ранениями. На этот период завершили рейсы только два экипажа, в том числе Старова. Стали разбираться, проверили полетные документы. Второй прорвавшийся экипаж отстранили от полетов за превышение максимальной взлетной массы. Командир полка лично докладывал, что в экипаже Старова груз оказался на пять тонн легче, поэтому нарушений нет. Замкомандира дивизии назвал это глупостью – не может одно и то же изделие весить по-разному. Он лично обещал разобраться по этому случаю. Все бы сложилось очень плохо, но завод неожиданно подтвердил правильность загрузки экипажа Старова. Кроме того, заводское начальство сняло с загруженных самолетов часть дополнительного оборудования, уменьшило вес и ликвидировало проблему. Полковник Ефимов принял доклад от капитана Старова об успешном выполнении монгольских рейсов и неожиданно спросил о весе изделия, который он отвез в Германию. Лоб Андрея покрылся испариной, а лицо краской, он промолчал. В лицо родному командиру врать бы не рискнул. Комполка все понимал, с капитаном на заводе никто разговаривать бы не стал.

– Самолет тяжело оторвался?– спросил он через паузу.

– Так же, как в рейсе с вами на Сирию, – ответил Андрей.

Полковнику Ефимову приказали поощрить экипаж Старова за инициативу, проявленную при выполнении специальных заданий. Учитывалось, что на конкретный экипаж Старова пришла благодарность и персональные заявки на повторный рейс из военторга. Командир полка больше ничего не спросил, давать ход расследованию не решился, понимая, что ударит по себе, но и поощрение объявлять не собирался.

– Повезло тебе, Старов. Говорят, что победителей не судят, на ближайший месяц будешь летать вокруг трубы.

Он имел в виду аэродромные полеты.

– Иди и на глаза мне не попадайся, – закончил разговор полковник.

– Спасибо, Батя! – тихо выговорил Андрей и пулей вылетел из кабинета.

Как всегда бывает в армии, если начали ругать, значит, заметили на высоком уровне, жди повышения. В полк пришла рекомендация политотдела дивизии избрать капитана Старова секретарем партийной организации эскадрильи. Эта новость повергла Андрея в шок. Робкая попытка сослаться на молодость и отсутствие опыта руководства комсомолом не прошла. Мнение политотдела не мог изменить даже командир полка. Старову разъяснили, что помогут и научат. Собрание коммунистов прошло быстро, никто не хотел засиживаться после службы долго. Голосование тайное, Андрея выбрали единогласно. Старый секретарь, командир первого отряда, передавал дела с нескрываемой радостью. Долгое секретарство не принесло ему никаких привилегий, а вот личного времени и нервов потрачено достаточно. Андрея поздравили с избранием секретарь парткома, замполит полка; они, как сговорились, твердили о высоком доверии партии и ответственности перед народом. Остальные пожимали руку с сочувственным взглядом. Старов смотрел на работу партийной организации практически, как на орган дополнительного воздействия на нарушителей дисциплины. Положение казалось абсурдным, он сам чувствовал себя нарушителем летной дисциплины и тайно разведенным. Самое сложное для секретаря было подготовить «выступающих» на полковых партийных собраниях. Чем больше там коммунисты ругали друг друга за недостатки в работе, тем лучше работают парт-организация и секретарь. После избрания Андрей столкнулся с необходимостью колоссальной бюрократической деятельности. Вести протоколы собраний, бюро, выдумывать решения и контролировать их выполнение. Следить за проведением партсобраний в отрядах и экипажах, где велась такая же документация. Естественно, проведение таких собраний в низовых звеньях давно превратились в формализм. Власть командира отряда всегда хватало на всех. Секретарями низовых звеньев всегда выбирали штурманов с красивым ровным почерком, которые строчили протоколы, переписывая ежегодно одно и то же. Старову поручили ликвидировать формализм в работе. Андрей со свойственным ему энтузиазмом взялся за дело. Первым делом стал ходить на все собрания в отрядах, чем вызвал тихую злость командиров, вынужденных реально собирать собрания и выступать там. По вечерам Старов просиживал над составлением проектов решений, пытаясь создать что-то новое. Поручить это дело любому члену бюро означало завалить все. Сложнее всего было заставить коммунистов выступать на партсобрании полка. Все отказывались. С большим трудом он уговорил выступить штурмана эскадрильи и перспективного правого летчика на очередном собрании. Андрей сидел на собрании с чувством выполненного долга, когда неожиданно прозвучала его фамилия, как выступающего, он растерялся. В секретариате вычеркнули фамилию правого летчика, как слабого и вписали секретаря. Он вышел к трибуне, не зная, о чем говорить, поэтому выложил все, что наболело про формализм низовых организаций и общих недостатков в эскадрильи.

– Ты думаешь, что несешь с полковой трибуны! – отчитывал командир эскадрильи его после собрания. – Мозги, что ли, отсохли на партийной работе?

На второе полковое собрание, где присутствовал начальник политотдела дивизии, Старов вписал «выступающими» командира эскадрильи и секретаря комсомольской организации. Теперь он сидел спокойно, на заседаниях такого уровня никто не выступает два раза подряд. Когда прозвучало объявление ведущего: «Слово имеет Иванов, приготовиться Старову», Андрея затрясло. Его фамилию вместо комэска вписал сам начальник политотдела. Ошибки первого выступления всплыли у него в голове, говорить о формализме он не решился, поэтому нес всякую чушь, совершенно не относящуюся к повестке дня. Сел на свое место и от стыда не знал, куда себя деть.

– Да, – тихо произнес начальник политотдела в президиуме, – летчик он неплохой, а вот выступать его вы еще не научили.

Андрей себе этого не простил. Он решил, что это последний позор, который ему пришлось пережить перед всем полком. На все мероприятия, от собрания до застолья, он приходил теперь с коротким продуманным выступлением. Это правило еще не раз выручит его в дальнейшей жизни. Оставило неизгладимый след первое персональное дело коммуниста, которое Старов рассматривал на партбюро. Дело было довольно банальное. Прапорщик Азаров пришел домой поздно вечером в подпитии и избил жену. Та визжала на весь дом, а утром пожаловалась командиру. Стрелок Азаров был коммунистом, жену избивал уже не первый раз, поэтому негласно было решено объявить ему выговор с занесением в учетную карточку. Перед членами партбюро стоял мужик лет 35, высотой под два метра, с черными усами и темными злыми глазами.

– Коммунист Азаров, расскажите, за что Вы избили свою жену? – обратился секретарь к прапорщику.

– Это моя жена, что хочу, то и делаю, и не лезьте в мою личную жизнь, – зло огрызнулся Азаров.

– Вы, как коммунист, обязаны отчитываться за свои проступки перед товарищами, которые искренне хотят разобраться в причинах и Вам помочь, – продолжал Андрей методично.

– Вам что, хочется услышать, как я сплю с женой. Я не собираюсь рассказывать тут про мои семейные отношения, особенно Вам, молокосос... – оборвал оскорбительное слово на полу слове Азаров, глядя в упор на Старова.

Андрей поежился под этим взглядом, осознавая, что показательное заседание бюро провалено и воспитательного результата он не добьется. Он уже собирался выставить его за дверь, объявить выговор с занесением и закрыть заседание. В это время тихо и медленно заговорил замполит эскадрильи Греков Александр Иванович.

– Сволочь ты оказался, коммунист Азаров. Ты помнишь, как стоял передо мной с поникшей головой с просьбой дать тебе рекомендацию в партию, как клялся оправдать доверие. Забыл, наверное, как тебе, единственному прапорщику – коммунисту, выделили двухкомнатную квартиру в первом многоэтажном доме в обход нуждающихся офицеров. На собрании перед всеми коммунистами ты тогда произнес, что жизнь отдашь за партию, не задумываясь. Ты на кого сейчас голос поднял? – все громче и мощнее звучал голос Александра Ивановича. – На секретаря партийной организации! Ему коммунисты доверили проводить линию партии от своего имени. Ты не на капитана Старова, ты свой поганый рот раскрыл на партию, которая тебя, деревенского придурка, вывела в люди и дала достойную жизнь. Ты предал самое святое, что у нас есть. Ты о своих детях подумал, когда руку на жену поднимал? Не получится, партия тебе не позволит этого сделать, с такими предателями нам не по пути. Не такого сына мечтал воспитать твой отец, коммунист, отдавший под Сталинградом свою жизнь в борьбе с фашизмом, – голос Грекова грохотал на весь учебный корпус, казалось, что его слышит весь гарнизон.

Голова прапорщика Азарова медленно опускалась к груди, а при воспоминании об отце плечи затряслись, он поднял глаза, полные слез.

– Простите, товарищи коммунисты, все осознал, слово даю, жену пальцем не трону, не исключайте.

С последними словами Азаров, рыдая, медленно опустился на колени.

– Встаньте Азаров, коммунисты не должны стоять на коленях, – взял бразды управления в свои руки секретарь.

Дальнейшую воспитательную работу было проводить бессмысленно, быстро проголосовали за выговор без занесения. Азаров до конца жизни больше жену не бил.

После бюро майор Греков с Андреем остались наедине.

– Спасибо Вам, Александр Иванович, я впервые в жизни видел, как разъяренного зверя делают плачущим ребенком простыми словами.

– Таких, как Азаров, надо давить на корню, – все еще взволнованно, на повышенных тонах сказал Греков.

Потом, успокоившись, продолжал:

– Изучай людей, Старов. Знай о них все, тогда при небольших психологических навыках придет умение управлять подчиненными в любой ситуации. Все это я проделал ради тебя, Азаров не стоит того, чтобы так выкладываться. Я вижу в тебе большое будущее, а мне скоро на пенсию, учись, пока есть у кого. Люди, в том числе партийцы, мельчают. Замполитами стали назначать посредственностей и выскочек, да ты и сам, наверное, видишь.

После этого бюро Старов не раз обращался к Александру Ивановичу за советами. Он научил работать его с документами. Прочитав отчетный доклад секретаря, посадил его рядом и стал объяснять:

– Вот ты пишешь здесь: не делается, не выполняется, не доводится и т.п. После такого доклада тебя нужно снимать с секретарей, а меня с должности. Бери ручку и пиши в столбик выражения, которые нужно прикрепить к каждому глаголу:

Не в полном объеме
Недостаточно полно
Не вполне объективно
Несоизмеримо больше
Не совсем правильно
Невнимательно
Менее жизнеспособно

После этих поправок доклад секретаря третьей авиационной эскадрильи в парткоме был признан лучшим. Положение секретаря партийной организации имело для Андрея и отрицательную перспективу. Любые его любовные похождения оказывались под неусыпным контролем общества. Долгое отсутствие жены порождало внимание отдельных женщин и сплетни. Попасть на парткомиссию по этому поводу Андрей очень не хотел, поэтому вел себя осторожно. Воспоминания о Наде, отложенные на второй план, стали выходить вперед. Необъяснимое душевное волнение, мечты, воображение и физиология перемешались в его голове. Он серьезно задумался о женитьбе. Кроме того, пришло указание обеспечить всех командиров кораблей отдельными квартирами. Андрей под разными предлогами отказывался, оформить квартиру без документов жены было нереально.

В ноябрьские праздники, в день своего рождения, он написал рапорт на два дня и уехал в отдаленный районный центр, где преподавала иностранный язык молодой учитель Надя Самохина. Длинное деревянное здание школы располагалось на самом высоком месте поселка. Выпал первый снег, дети на перемене бросались снежками. Видно было, что классы переполнены. Андрей в форменной шинели с погонами не стал пугать ребят, дождался звонка на урок и сразу прошел в кабинет директора школы. Его встретила женщина средних лет. Он представился, коротко рассказал о себе и цели своего приезда – провести хорошую знакомую. Директор сразу уговорила Андрея выступить завтра перед учащимися. Здесь, в провинции, никогда не видели военных летчиков. Она рассказала, что Самохина у них на хорошем счету, но попросила не срывать занятие. За 10 минут до конца урока Надю вызвали к директору. Она шла спокойно и уверенно, преподавание ей нравилось, с детьми управлялась успешно, поэтому от встречи с директором ничего не ждала.

– Вызывали, Фаина Григорьевна? – спросила она, войдя в кабинет.

Вид сидящего военного ее не смутил. Военная форма совершенно изменили внешний вид Андрея, поэтому она его не узнала.

– Познакомьтесь Надежда Александровна, это капитан Старов, завтра, на шестом уроке он будет выступать перед старшеклассниками. Вашему классу поручается подготовить актовый зал, а Вам – общее руководство, – со сдержанной хитровой улыбкой изложила директор.

Только после произнесенной фамилии Надя еще раз посмотрела на военного и по улыбке узнала Андрея. Сердце ее забило так часто, что она еле взяла себя в руки, ничем не выдавая своего волнения. Прошло много времени с их последней встречи. Она потеряла всякую надежду на перспективу их отношений. Сначала она думала, что забудет его, уехав в эту деревню, но получилось все наоборот. Ругала себя за прекращение отношений, может быть, он несчастен в семейной жизни. Наконец, решила, если любит, обязательно приедет, поэтому ждала его месяц, второй, третий. В тот момент, когда всякая надежда покинула ее, он приехал.

– Еще улыбается, ни за что его не прощу, – про себя подумала Надя и повела себя так, как будто с ним незнакома.

– Надеюсь, у вас будет возможность обсудить детали этой встречи после занятий, – добавила директор, давая понять, что договариваться нужно вне стен кабинета.

Объяснения между Андреем и Надей начались по пути к ее дому. Она снимала комнату у хозяйки в частном доме. В обеденный час на улице было многолюдно, на них все обращали внимание. Городок был маленький, все друг друга знали, к ним подходили очень близко, рассматривая военного.

– Здравствуйте, Надежда Александровна! – слышалось со всех сторон.

Им это надоело, они зашли за дом в тихий зимний сад. Надя со свойственной ей прямоотой выложила все свои обиды, тревоги и неясности в их отношениях. Андрей пытался вставить в ее монолог лишь отдельные фразы:

– Ты сама не спрашивала, женат ли я...

Но потом замолчал, наблюдая за Надей. Она повзрослела, в голосе появились назидательные учительские нотки. При этом она осталась тем же наивным ребенком, который нравился ему все больше и больше. Хотелось просто обнять, поцеловать это создание, так гневно на него обрушавшееся. Надя

неумело пыталась скрывать свое душевное волнение. Андрей сдержался, молча выслушал все до конца и заговорил твердо и жестко, как со своими подчиненными:

– Я действительно был женат на женщине, которая меня предала. Тебя я не думал обманывать, на момент нашей последней встречи был уже разведен. Кстати, ты тоже не рассказала мне о своем моряке, про которого мне прожужжали все уши твои подружки. У меня очень сложная и опасная профессия, на которой люди теряют не только здоровье, но и жизнь. Я люблю эту работу, она нужна нашей стране, поэтому всегда будет впереди личной жизни. С момента последней нашей встречи я непрерывно находился в командировках. Вот этот подарок я привез тебе из-за заполярного круга, – прервался Андрей, вручая ей белку. – Давай забудем мою жену и твоего жениха, легкой жизни не обещаю, но интересной обязательно сделаю. Я люблю тебя и прошу выйти за меня замуж. С ответом не тороплю, у тебя есть время до завтрашнего автобуса, который повезет меня обратно.

Надя была ошеломлена твердостью и силой сказанного, душа ее радовалась, хотелось кричать: да, да, да. Андрей поцеловал ее, но она только крепко прижимала к себе белку, сдерживая себя:

– Андрей, ты, наверное, голодный? – спохватилась Надя, приглашая его в дом.

Хозяйка еще не пришла. Надя растерялась, у нее были только постные щи и отварные макароны. В магазин бежать было бесполезно, там, кроме хлеба и килек в томате, ничего не было. Андрей прошел с Надей на кухню, сразу почувствовал ее волнение и просто сказал:

– Не волнуйся, у летчиков, кроме недостатков есть и некоторые положительные качества.

С этими словами он стал выкладывать из своего портфеля различные деликатесы: красную икру, ветчину, мясные и рыбные консервы, экзотические фрукты в банках, конфеты, завалил весь стол.

– Андрей, ты с ума сошел, это же целое богатство, неси все в мою комнату, а то хозяйка придет, ей плохо станет.

Стол накрыли в ее комнате, Андрей разлил шампанское и только здесь признался, что у него сегодня день рождения, исполнилось 26 лет. Надя извинилась, что у нее нет подарка, тогда Андрей попросил поцелуй. Она велела закрыть глаза, но когда потянулась к его щеке, он неожиданно сгреб ее в охапку и долго целовал в губы. Они еще пару раз отрывались от стола для поцелуев, пока не пришла хозяйка, ворчливая, пожилая женщина. Она сразу заглянула в Надину комнату, увидела накрытый стол и уходит уже не собиралась. Приблизился вечер, Андрей тихонько попросил Надю оставить его ночевать в своей комнате. Она твердо ответила:

– Нет, Андрей, не обижайся, я тебя люблю, но до свадьбы этого не будет. К тому же, подумай об авторитете учителя, ты завтра уедешь, а про меня весь поселок будет говорить.

Она убежала и через некоторое время, вернувшись, сообщила, что договорилась с соседкой, что Андрей переночует у нее. А ему шепнула на ухо:

– Я за тебя не волнуюсь, соседка – пожилая женщина.

На следующий день Андрей проснулся поздно. В деревенской избе пахло деревом, натопленной печкой и спокойствием. Хозяйка была приветливой женщиной, от денег категорически отказалась. Она полночи рассматривала диковинные названия на банках из продуктового подарка. Ее распирала гордость, теперь будет что показать подругам, угостить друзей. Хозяйка напоила Андрея парным молоком и долго расспрашивала обо всем, что только приходило в голову. После чего он вышел пораньше, погулять по поселку.

Низкорослые послевоенные дома смотрелись крепышами, поселок жил своей жизнью, лаем собак, мычанием коров, любопытными взглядами выглядывавших из-за забора обитателей. Воздух был чист и прозрачен, надышавшись им, Андрей направился на встречу со старшеклассниками.

Актный зал небольших размеров был забит битком учащимися, пришла почти вся школа. Андрей понимал, что эти дети редко выезжали за пределы своего поселка, поэтому построил свое выступление с рассказов о стране, ее размерах. Рассказал о задачах военно-транспортной авиации, которая не только выполняет боевые задачи, но перевозит народнохозяйственные грузы, от труб большого диаметра до овощей и фруктов. Дальше он перешел к выполнению интернациональных задач, причем говорил так, чтобы дети чувствовали гордость за свою страну, за край, в котором они живут. Своим рассказом Андрей полностью подчинил себе аудиторию и воздействовал даже на Надю. Вопросов было бесконечное множество, и серьезных, и наивных. Отвечал Андрей подробно, простыми словами. Все сидели притихшие и замороженные. В конце выступления Андрей раскрыл портфель и спросил старшеклассников, кто мечтает стать летчиками. Поднялся лес рук, но Старов выделил для себя некоторые лица еще во время выступления. Он пригласил их к столу и вручил свои личные вещи из портфеля: навигационный расчетчик и штурманскую линейку. Все бросились их рассматривать, абсолютно ничего в них не понимая. На все вопросы Андрей отвечал, что надо хорошо учиться, чтобы освоить это. Один мальчик из младших классов плакал, не стесняясь остальных детей. Надя бросилась его успокаивать, но ничего не получалось, он тоже хотел подарок. Андрей понял ситуацию, достал свой подшлемник и одел ребенку на голову. Радости ребенка не было предела, а Надя благодарно посмотрела на своего жениха. Один из этих ребят впоследствии придет в полк к Старову и станет хорошим летчиком.

Надя провожала Андрея к автобусу. Она, впервые не стесняясь, взяла его под руку. Прощедшую ночь она почти не спала, злилась на себя, свою принципиальность, но поделаться ничего не могла. «Вот уедет сейчас и не вернется, что у меня останется?» Эти мысли не выходили у нее с головы. Она даже не понимала, насколько близкими эти мысли могли оказаться. Надя сказала Андрею, что согласна выйти за него замуж, но уехать из этой школы до конца учебного года не может, детей жалко, другого учителя иностранного языка здесь нет. Андрей ждать не хотел. Договорились, что в Новый год на каникулах Надя приедет к родителям, и там все вопросы решатся окончательно.

Но этому сбыться было не суждено. В Эфиопии свергли короля, новая власть объявила курс на строительство социализма. Воспользовавшись слабостью молодого государства, войска Сомали вторглись с юга, а на севере и востоке страны провинция Эритрея взяла курс на отделение, развязав боевые действия. Положение оказалось критическое. В горной стране обеспечение войск было возможно только по воздуху, другого транспорта и дорог между городами не было. Решением правительства на помощь Эфиопии выделялось четыре экипажа на самолетах АН-12. Дивизия находилась на переучивании, поэтому выбор среди пилотов был небольшим. Экипаж Старова был включен в состав группы одним из последних. Подготовка к перелету заняла несколько дней, маршрут перелета обходной: Ташкент – Карачи – Аден – Аддис-Абеба. Срок командировки – три месяца. В первый же день подготовки к вылету Андрей позвонил Надиным родителям и предупредил, что вечером зайдет к ним по очень важному делу. Ничего не понимающие родители пригласили его за стол. Андрей не стал садиться и начал сразу:

– Мы с Надей любим друг друга, она дала согласие стать моей женой. Я пришел просить руки Вашей дочери, обещаю сделать все, чтобы она была счастлива.

На посыпавшиеся вопросы отвечал быстро. Он сообщил родителям, что два дня назад был у Нади. Они вместе собирались объявить им свое решение, но обстоятельства складываются таким образом, что он улетает на три месяца в одну из африканских стран. Свадьбу планирует сыграть сразу после возвращения, дату он взял с запасом на месяц. Заявление в ЗАГС он уже подал, там работает жена знакомого офицера. Наде нужно позвонить по этому телефону, взять свой паспорт и зайти расписаться. Родители были ошарашены такой новостью, однако Андрею поверили и дали свое согласие. Прощаясь, мать незаметно перекрестила Андрея и спросила напоследок, когда он улетает. Послезавтра, коротко ответил он и крепко пожал руку отцу на прощание. Мать Нади подошла к мужу задумчивая:

– Нехорошо все как-то складывается, не по-людски. Поеду я завтра к дочери, справитесь здесь без меня.

Старов ежедневно до позднего вечера готовился к перелету. В качестве командира экипажа за границу социалистического лагеря он летел впервые. Андрей еще правым летчиком прошел обучение полетам по международным трассам в Шереметьево и один раз летал в Европу, поэтому страха, что не справится, не было. Но было тревожно. Безопасность полета во многом зависела от подготовки переводчика и его адаптации в экипаже. К сожалению, военнотранспортная авиация не могла обходиться без услуг бортпереводчиков при выполнении полетов на международных трассах. Увы, далеко не все пилоты в достаточной степени владеют навыками ведения радиообмена на английском языке. Вот почему хороший бортпереводчик – находка для командира корабля и экипажа. Это своего рода уши пилота и его язык в общении с иностранными диспетчерами воздушного движения. Хорошо, если профессиональный переводчик владеет авиационными реалиями и терминологией, умеет ориентироваться в полетной обстановке, с полуслова понимает командира и штурмана. Еще лучше, когда он знает основы самолетовождения, сам читает показания навигационных приборов, не отвлекает лишней раз командира несущественными вопросами, особенно на этапах взлета и посадки. Разумеется, таких специалистов не готовят институты иностранных языков – их «делают» в полках опыт-

ные командиры из простых выпускников вузов. Точно так же, как из выпускников летных училищ они воспитывают настоящих пилотов.

Старов летел в группе последним экипажем, без инструктора, поэтому надеялся, что ему дадут опытного переводчика, однако этого не случилось. Ему дали молодого выпускника института военных переводчиков Токова. Знакомство с Александром Токовым разочаровало Андрея. Вид пижонистого парня с лишней полосой на погонах пилота гражданской авиации, вольное, неармейское поведение раздражало Старова. Оказалось, что он никогда не летал в экипаже и не вел связь, стажировку проходил при посольстве одной из стран. Это была почти катастрофа. Андрей вспомнил свою первую командировку, как тяжело ему давалось слышать нужную информацию и понять ее через наушники. Узнать свой позывной и команду на изменение режима в шуме непрерывных запросов и информации, понять погоду в шуме помех – без этого будет очень сложно. Андрей сравнивал эту работу с конкурсом в музыкальную школу, которую окончил по классу фортепьяно. Раньше каждая интеллигентная семья считала обязательным учить ребенка музыке. Конкурс был огромный. Каждому из 10 детей играли свою мелодию и просили запомнить. Все мелодии были похожи друг на друга. Потом начинали играть эти мелодии вперемешку, быстро их меняя. Ребенок должен был поднять руку только в момент звучания своей мелодии. Для многих детей это было сложно. Андрей давно не садился за пианино, почти все забыл, но был благодарен родителям за музыкальное образование. Он остро чувствовал связь музыки и летной работы. Музыка развивала душу, душа открывала интуицию и понимание людей. Летчику, как и пианисту, нельзя допускать перерывы в своей работе. Если музыкант играет редко, мало, он становится плохим музыкантом. Руки не успевают за движением души. И летчик летает лучше, если летает много. Армейская жизнь в авиации сильно отличалась от пехоты быстро меняющейся обстановкой и степенью реакции на порой неадекватные события. Андрей не пошел жаловаться, просить сменить переводчика. Он просто сел и начал натаскивать его на понимание авиационных терминов и порядка работы в период каждого полета.

Надя возвращалась из школы поздно, готовилась к урокам. На пороге дома издалека увидела мать, встревожилась и побежала на встречу.

– Мама, что случилось? – еле выговорила она.

Мать ее успокоила, рассказала о том, как приходил Андрей, добавив от себя, что командировка очень опасная, отец разговаривал с кем-то из полка. Надя только сейчас почувствовала, насколько глубоко поразила ее тревога за Андрея. Необъяснимая сила заставила ее тут же бежать к директору, отпрашиваться на следующий день с уроков. Рано утром она вошла в военный городок и спросила нескольких военных, как найти капитана Старова. Все пожимали плечами и советовали спросить в штабе полка.

Командир полка полковник Ефимов находился у себя в кабинете и думал о предстоящих переменах. Ему предложили повышение по службе и перевод в южную дивизию. Жена и дети давно об этом мечтали, бытовые условия, погода здесь было решающими. Однако он пока не дал согласия, ему был дорог этот полк, он считал подготовку летчиков этого полка лучшей в транспортной авиации. Звонок дежурного по штабу о том, что какая-то девушка у штаба спрашивает капитана Старова, отвлек его от мыслей.

– Проводите ее в мой кабинет, – приказал он дежурному.

Нажал селектор громкой связи с руководителем полетов и спросил, где Старов. Ему ответили, что запросил запуск. К нему в кабинет провели волнующуюся девушку.

– Я командир полка, зовут меня Александр Григорьевич, а кто Вы? Зачем ищите капитана Старова? – как можно дружелюбнее спросил Ефимов.

Надя смутилась, растерялась, но пробормотала, что приехала из дальнего района, где работает учителем, зовут ее Надя, что она невеста Старова, и назвала те обстоятельства,

что привели ее сюда. Александр Григорьевич внимательно рассматривал девушку: неброская, русоволосая, без помады на губах, худенькая, с мягким нежным взглядом зеленых глаз с глубоким душевным волнением. Полковник Ефимов хорошо разбирался в людях, по первому впечатлению он понял, что Старову, кажется, начинает вести в семейной жизни. Он нажал селектор, спросил по громкой связи селектора, на какой стоянке самолет Старова. Ему ответили, что он запустил и рулит к исполнительному старту с курсом взлета 15 градусов.

– Пойдемте со мной Надя, так Вас, кажется, зовут?

Они сели в командирский газик и выехали к началу взлетной полосы с противоположным курсом. Полковник Ефимов не собирался останавливать взлет экипажа, это плохая примета, да и сбивать ритм предполетной подготовки запрещено. Они вышли из машины около бетонных плит взлетной полосы. Рядом три офицера разворачивали Боевое Знамя полка, его выносили к ВПП только при выполнении особых правительственных заданий. Ветер трепал полотнище, сбил фуражку одного из офицеров, и вся эта процедура вызывала дрожь по телу, придавала необъяснимую важность всему происходящему. Тяжелый турбинный гул усилился до максимального, нос самолета прижался к полосе, как хищник перед броском. Самолет все быстрее надвигался прямо на них. Потом поднял переднюю ногу и тяжело, как огромная птица, поднялся в небо. Когда грохот стих, и самолет превратился в удаляющуюся точку, Александр Григорьевич произнес:

– Это взлетел Ваш жених. Берегите его, у него большое будущее. Не волнуйтесь, он вернется, ему всегда везет в трудных ситуациях.

– В какую страну он полетел? – спросила Надя.

– Это секрет, но Вам я скажу, в Эфиопию.

Полковник Ефимов вышел у штаба, на прощанье сказав Наде, чтобы они не забыли пригласить его на свадьбу. Затем дал указание шоферу отвести девушку к ее дому и вернуться в штаб. Тон указания был настолько сильным, что Надя возразить побоялась. Это было первое знакомство с профессией ее будущего мужа, отношение к ней командира полка потрясло ее до глубины души. Теперь она знала, что лучше офицеров – летчиков мужчин на свете не бывает. Андрей в процессе разбега видел боковым зрением Боевое Знамя полка, узнал командирский газик, но он и подумать не мог, что там стоит Надя. Ее он не заметил, все мысли были уже в полете. Он поставил для себя задачу за полет до Ташкента научить переводчика работать по связи на русском языке. Сразу после набора высоты он посадил его на место радиста, одел на него наушники и заставил слушать. В московской зоне связь вел сам, заставляя его менять частоты на пульте управления радиостанцией по команде с земли. После Москвы стало спокойнее и переводчик сам начал вести связь. Его доклады обрывались на полуслове, он забывал термины и название следующих поворотных пунктов, часто путал кнопки радио с внутренней связи. Андрей вспоминал свою первую командировку, поэтому маской по голове не бил, а терпеливо заставлял все записывать ручкой – свой доклад и что ответили. Не подсказывал, а заставлял переспрашивать, добиваясь полного понимания команды. Когда с земли поступали тревожные вопросы, типа, все ли на борту в порядке, Андрей сам выходил на связь, извинялся и объяснял, что радист впервые ведет связь. Диспетчеры почти всех пролетаемых зон встречали это сообщение с пониманием, передавали дальше, поэтому все помогали, запрашивали дополнительные сведения о погоде, режиме полета, что способствовало становлению переводчика. К концу третьего часа полета радиообменом был замучен весь экипаж, но появились первые результаты. Переводчик все слышал, понимал и отвечал. Старов не раз задумывался над вопросом, почему гражданские летчики могут самостоятельно вести связь на английском языке, а военным это не дано? Он вспоминал свои курсантские годы, молодую «англичанку» Люсю, в которую было влюблено почти всё его отделение на втором курсе. Бедная девушка, она искренне пыталась обучить их хотя бы азам разговорной речи в ущерб грамматике и фонетике на базе тривиальных разговорных тем типа «Мой город» и «Моя семья». А они поедали её

глазами и думали совсем не об английском языке. Ну, кто же направляет таких хорошеньких учительниц на работу с молодыми «почти летчиками»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.